Издано по решению
и с помощью Главы
Димитровграда
В.А.Паршина

В серии "Литературный Димитровград" публикуются произведения членов городского писательского отделения СП России. В этих книгах представлено все лучшее, что создается их авторами на земле Причеремшанья, что имеет литературную и историческую ценность, обогащает культурный облик города.
Серия начата в честь 120-летия посада Мелекесс, ставшего основой для нынешнего Димитровграда. Восстановление в 1997 году городского самоуправления и первое - после 1917-го - всенародное и демократическое избрание Главы Димитровграда, - положили начало созданию новой страницы в истории местной литературы и культурном обновлении городского общества.

Нонна Алиева
Александр Никонов
Дмитрий Смольников
Анна Филимонова

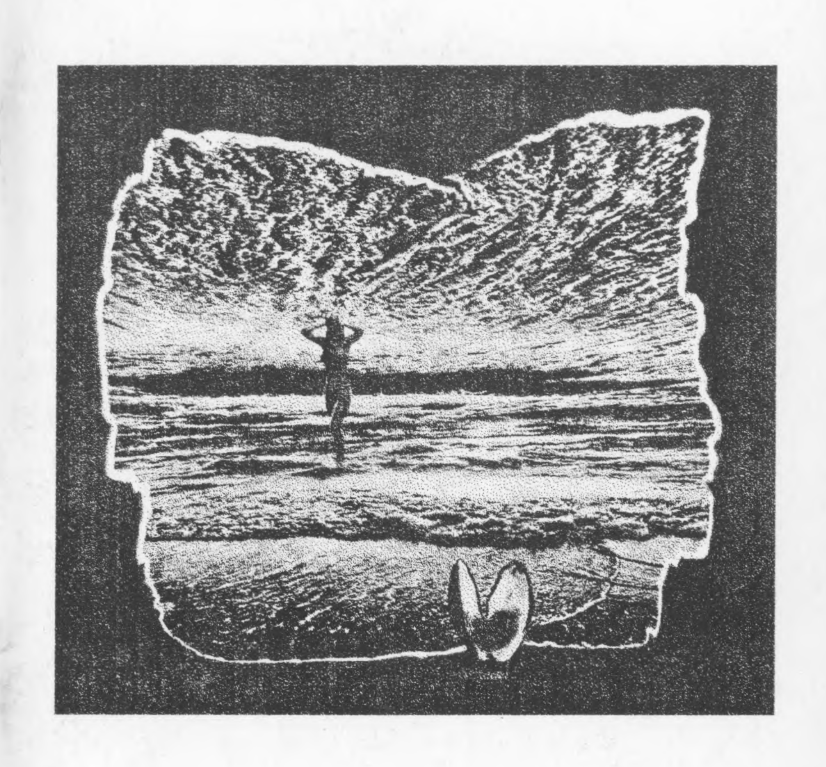
ЧЕРЕМШАНСКИЙ ПЕРЕВАЛ

посад
1877 1997
Мелекесс

Анна Филимонова

МЫСЛЬ

Анна Филимонова

МЫСЛЬ

Научно-фантастические рассказы

ПОСАД

1877 1997

МЕЛЕКЕСС

Р7
Ф18

Анна Вячеславовна Филимонова
Мысль
Научно-фантастические рассказы

Авторский вариант
Редактор В.Гордеев
Дизайн обложки, титула
и верстка Т.Царевой
Корректор О.Гордеева

Подисано в печать 28.04.97. Форма 60x84/16.
Печать офсетная. Объем 2,44 п.л. Тираж 5000 экз.
Заказ № 8662.
Совместный выпуск: Издательств "Поинт" - "Посад Мелекесс",
433510, Димитровград, ул.Юнг Северного флота, 107.
Отпечатано с оригинал-макета в Димитровградской типографии,
Димитровград, ул.Юнг Северного флота, 107.

ФИЛИМОНОВА А.В.
Ф18 Мысль. Научно-фантастические рассказы
Димитровград: "Поинт" - "Посад Мелекесс", 1997. с.39
Книга серии "Литературный Димитровград. Проза"
Обертка с загл. "Черемшанский перевал"

С 7-4-7 / 38-97Д

ISBN 5-86646-094-7

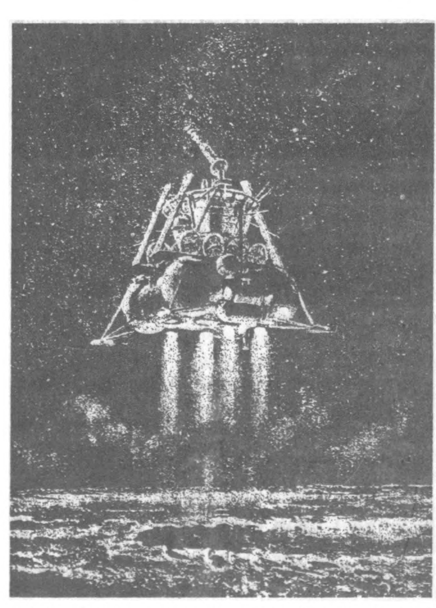
Посвящаю А.З.

И удел каждой мысли-необъятность. В ней и галактики, становящиеся частицей микрочастицы, в ней и те миллиарды звёзд Млечного Пути, которые действительно слагают структуры молочных молекул... Вот уже...человек...прекратил думать, отвлёкся, умер, наконец, а мысль его, его порождение, всё ещё существует, длится, ширится, рождает и уничтожает. Что произойдёт в неизмеримых её недрах? По каким законам звучит её эхо? Кто знает?..

. . . . . <Стойте!-торопливо крикнул Вадим.-Так что же всё-таки Вселенная?> <Мысль, Вадим, мысль! Мысль, летящая в пространстве...>

О. Тарутин <Рассказы вьючного ящика>

Записки Старого Астролётчика

Здесь описываются события, свидетелем которых я был, либо рассказанные людьми, чьи пути пересеклись с моими в бесконечных просторах космоса. Я не ручаюсь за полную достоверность моих записей (многое и мне уже кажется нереальным за давностью лет). Так пусть же они послужат пищей для чьего-нибудь пытливого ума!

Астролётчик Зер Арт.

1. Спиритус

Это была вторая экспедиция, посланная в систему Эстэ. Собственно, нас интересовала пятая планета в этой системе, которую земные учёные условно назвали Спиритус-Дух.

И надо сказать, у наших учёных были веские на то причины. Сравнительно недавно, буквально десятилетие назад, вокруг белой звезды Эстэ вращалось двенадцать планет, и все они были открыты и занесены в Звёздные Каталоги.

Спустя некоторое время учёный мир содрогнулся. Из глубин Галактики от оставленного первой экспедицией в системе Эстэ спутника пришло сообщение о том, что там появилась три-

надцатая планета. Между орбитами четвёртой и пятой планет была бездна пространства, и Спиритус встал между ними, словно это место извечно ему принадлежало. Он имел асимметричную форму, вероятно, от столкновения с крупным космическим телом, но размерами почти не уступал остальным планетам системы.

Откуда и как появился сей феномен - неизвестно. В одной из гипотез говорилось о том, что Спиритус - гигантский метеорит, пролетавший мимо Эстэ, который, попав в мощное гравитационное поле звезды, остался в системе, заняв наиболее оптимальное место- <прореху> между четвёртой и пятой планетами, тем самым не нарушив равновесия общего гравитационного поля системы.

Довод вполне убедительный, но Спиритус по-прежнему будоражил учёные умы, и вот, к Эстэ вновь была послана экспедиция, дабы основательно исследовать это загадочное космическое тело.

Экипаж состоял из десяти человек, включая меня, молодого механика. Для меня эта экспедиция была самой первой, впрочем, не только для меня. В наиболее удалённые уголки Галактики обычно посылают людей молодых и сильных, и только нескольких - зрелых и опытных, ибо без них не обойтись.

Первую часть пути мы преодолели без происшествий, но когда мы в первый раз вышли из гиперпространства и готовились ко второму прыжку, на нашем пути встретился потерпевший аварию звездолёт.

Такое иногда бывает с космическими кораблями. При выходе из гиперпространства отказывает противометеоритная защита, и корабль натыкается на один из блуждающих обломков космических тел, которыми изобилует Вселенная.

Именно это и произошло с сетнийским звездолётом. Такое случается крайне редко, но при выходе из гиперпространства всегда существует определённый риск.

В данном случае метеорит лишь слегка повредил обшивку корабля, не нарушив его герметичности, но от удара пострадали важные функции звездолёта. Благо, он вынырнул из гиперпространства немногим раньше нас и не успел стать жертвой следующего обломка.

Экипажу звездолёта, пятерым сетнийцам, пришлось присоединиться к нашей экспедиции с условием, что на обратном пути подоспеет помощь, и их заберут на родную планету сородичи.

Сетна - дружественная Земле планета Галактики, населённая существами, очень схожими по внешнему виду с людьми. Эволюция Сетны протекала подобно эволюции Земли, но сетнийцы немного опережали землян по уровню своего развития. Их корабли давно уже вышли в гиперпространство и смело бороздили бесконечные просторы Вселенной.

Узнав, куда мы держим путь, сетнийцы заинтересовались и поблагодарили случай, который дал им возможность участвовать в столь важной экспедиции, хотя при этом что-то вроде страха отразилось на их лицах.

До их планеты давно дошла весть о странном явлении в системе Эстэ, но сетнийцы почему-то не торопились посылать туда экспедицию. Позже мы узнали причину этого.

Между прыжками в гиперпространство наш командир решил выждать сутки, чтобы дать экипажу возможность как следует выспаться естественным способом, ведь неизвестно что нас ожидало по прибытию в систему Эстэ.

Я уснул прямо в пилотском кресле, за пультом, и меня разбудил громкий, полный суеверного страха, крик одного из сетнийцев.

- Фантом! Фантом! - возбуждённо кричал он.

Я открыл глаза.

- Почему вы не спите, Эрт? Что случилось?

На его крики в рубку сбежался весь экипаж нашего звездолёта. Сетниец Эрт дрожащей рукой указывал на экран внешнего обзора и повторял, словно в трансе:

- Фантом... Это - корабль-фантом.

Но на экранах не было ничего, кроме чёрной пустоты и ярких точек звёзд.

- Успокойтесь, Эрт, - произнёс наш командир Гэй Солл, - я знаю, вы пережили большое потрясение в результате аварии. Я попрошу нашего врача дать вам успокоительное.

Но Эрт не слушал Гэя, продолжая неотрывно смотреть на экран. Затем он устало опустился в кресло и произнёс:

- Смотрите же...

Все взглянули на экран и замерли. Перед нами в пространстве плыл серебристый космический корабль, прекраснее и совершеннее которого, наверное, нет во Вселенной. Изображение было нечётким и призрачным, оно расплывалось и дрожало.

- Что это? - громко спросил Гэй Солл.

И Эрт поведал нам легенду, известную среди астролётчиков его планеты.

....Очень давно, миллиарды лет назад, когда наша Земля (и Сетна) ещё представляла собой неплотный сгусток материи, в неизмеримых глубинах Вселенной существовала планета Идиллия. На ней жила и творила, может быть, самая старшая цивилизация во Вселенной.

Идиллианцы путешествовали во времени, их корабли скитались во Вселенной, тщетно ища братьев по разуму. Они обнаружили несколько планет, где обитали подобные им существа, но их цивилизации находились на столь низких ступенях развития, что вступить с ними в контакт было невозможно.

Идиллианцы жили в лазурных городах, цивилизация процветала и развивалась стремительно, поднимаясь, всё выше и выше.

Но случилось ужасное. Гигантская комета Кон пролетала через систему звезды, вокруг которой вращалась Идиллия. Учёные планеты предсказывали столкновение, рассчитав траекторию движения кометы, но предотвратить его они не могли.

Идиллианцы без паники встретили страшное известие о предстоящей катастрофе, и хотя многие из них овладели телепортацией, и множество звездолётов ожидало пассажиров на космодромах, никто из них не захотел покинуть родную планету, решив погибнуть вместе с ней.

Так, несколько миллиардов лет назад Идиллия, столкнувшись с гигантской кометой Кон, сошла со своей орбиты и исчезла в бездне пространства вместе с могущественной цивилизацией идиллианцев...

- Красивая легенда, - произнёс после длительного молчания астрофизик Гранд Керри, - но она так и не объяснила происхождение корабля-призрака.

- Это ещё не всё, - ответил сетниец Юр, - у этой легенды есть продолжение. Здесь существуют две версии. Вот одна из них. Звездолёт, который вы все сейчас видите - это <Маа>,

последний корабль, покинувший Идиллию. Столетия он скитался во Вселенной (надо сказать, что век идиллианцев был очень долог, они почти достигли бессмертия), а вернувшись в систему родного светила, там, где должна была быть Идиллия, обнаружили лишь пустое место. И последние идиллианцы с корабля <Маа> отправились, куда глаза глядят искать свою планету. Шли века, и корабль-странник превратился в призрак.

- А какова же вторая версия? - поинтересовался кибернетик Ким Джонс.

- Вторая версия такова, - продолжал Юр, - она гласит, что в последний день перед неминуемой катастрофой все жители Идиллии собрались в одном месте и, напрягая в совместном усилии волю, создали бессмертный мыслеобраз, воплотив его в прекрасный космический корабль. Это последняя весточка от цивилизации идиллианцев.

- Так что это за призрак? - спросила врач Эльза Аридэн. - Злой он или добрый? Почему вы его так боитесь?

- Это объясняется спецификой нашей планетарной религии, - ответил сетниец Слэтт, - в подробности которой мы вдаваться не будем. Вообще-то, здесь дело несколько в другом. Наши учёные утверждают, что тринадцатая или пятая по счёту от светила планета, появившаяся недавно в системе Эстэ - не что иное, как вернувшаяся на своё прежнее место Идиллия.

- Нонсенс! - воскликнул Гэй Солл.

- Я понимаю вас, - сказал Слэтт, - но наши учёные, предположив, что Спиритус - это и есть легендарная Идиллия, попытались приблизительно рассчитать траекторию его движения, хотя это практически невозможно. И они получили следующий вывод: после столкновения с кометой-колоссом Идиллия сделала, условно говоря, круг по Вселенной протяжённостью в миллиарды лет, постепенно теряя ускорение, а затем вернулась в свою систему и встала на свою прежнюю орбиту. Понимаю, вероятность этого слишком мала , ведь условный круг или эллипс мог бы не замкнуться, и Спиритус мог пролететь не только далеко от своей орбиты, но и очень далеко от своей системы. Мы хотели выяснить этот факт, но нашу экспедицию возле Спиритуса встретил корабль-фантом. Экипаж охватила паника, и, вероятно, в замешательстве, командир не смог точно рассчитать координаты выхода из гиперпространства. Они не вернулись, затерявшись где-то в глубинах Вселенной, но прежде, чем исчезнуть, они передали на Сетну полное ужаса сообщение.

- Возможно, это была напрасная паника, - сказал Гэй Солл, - ужас перед непостижимым. Не буду скрывать, и я поначалу сильно испугался, увидев фантом. Но чем бы ни был этот корабль, похоже, он не собирается причинять нам вред.

- Хотелось бы верить, - ответил Слэтт.

- Смотрите! - воскликнул Юр.

В идиллианском корабле образовался чёрный круглый проём, и в нём появилась призрачная человеческая фигура. Призрак поднял руку, словно в знак приветствия, затем расплывчатый силуэт задрожал и растворился, и черный проём затянулся.

Корабль начал постепенно исчезать, словно углубляясь в вязкую чёрную массу: сначала пропала носовая часть, затем средняя, и вскоре весь он скрылся.

- Он исчез! - воскликнул Гранд Керри. - Они вовсе не агрессивны. Они прекрасны. И они не против того, чтобы мы

посетили Идиллию, т. е. Спиритус.

- Эт Спиритус Санктус, - в задумчивости пробормотал Гэй Солл и встряхнул головой, - всем приготовиться к прыжку в гиперпространство!

Наш звездолёт плавно опустился на сравнительно ровный участок Спиритуса, и все, прильнув к иллюминаторам, разглядывали сглаженные холмы и кратеры безликого пейзажа планеты. На первый взгляд, в нём не было ничего необычного.

Впрочем, нет, удивляли холмы, слишком уж упорядоченно расположенные по отношению друг к другу, и между ними широкие проходы - как улицы.

Как знать, может быть, Спиритус и есть та самая мифическая Идиллия, легенда о которой живёт во Вселенной.

Ради того, чтобы постичь эту тайну, мы и прилетели сюда, тогда нам откроется мудрость великой исчезнувшей цивилизации. Может, разгадка находится в глубине этих холмов? Всё это нам предстояло узнать.

...At Spiritus Sanctus...

2. За бесконечностью...

Хрононавт Уолт Аридэн удобно откинулся в мягком пилотском кресле у пульта машины времени и глубоко задумался.

За свою жизнь он множество раз путешествовал во временном потоке, собирая бесценную информацию. Теперь же он хотел отправиться в свой последний путь по спирали времени. Последний, потому что...

Всю жизнь Уолт посвятил своему делу. И тем приятнее было, вернувшись из какого-нибудь города ацтеков, майя или древних римлян, видеть дома милое, мягкое лицо жены. Её он любил больше всего на свете.

Она была врачом-астролётчиком, и её посылали в очень ответственные экспедиции. Так они и жили, иногда встречаясь между экспедициями и проводя незабываемые дни: муж -хрононавт, жена - астролётчик.

Десять лет назад она отправилась с экспедицией в один из дальних секторов Галактики, год спустя с кораблём прервалась связь, и Космический Центр официально объявил экспедицию без вести пропавшей. Тем более что семь лет назад она должна была вернуться.

Уолт до последнего не верил и ждал. Но постепенно ожидание становилось невыносимым, а жизнь без жены - бессмысленной.

Уолт Аридэн упрекал себя за малодушие, но он всё-таки был хрононавтом и решил уйти, как подобает настоящему исследователю. Он останется там, куда вынесет его временной поток, а вернувшаяся без человека машина времени доставит в настоящее собранную им информацию. Его последние исследования.

Уолт думал, выбирая координаты времени. Какое время хуже всего исследовано учёными? Ну, конечно же, Мезозойская Эра.

Из глубины пространства сквозь невероятные помехи в эфир прорвался хриплый голос командира затерявшейся эк-

спедиции.

- ...небольшая поломка...Завихрения пространства-времени... Должны выбраться... Сколько времени мы отсутствовали на Земле?

- Около двенадцати лет.

- Передайте моему мужу, хрононавту Уолту Аридэну, что я люблю его! - звонкий голос врача экспедиции.

- Ваш муж Уолт Аридэн исчез во времени два года назад.

И вновь неустойчивый канал связи заполнили помехи, заглушая голос командира, пока он не смолк...

Мгновения корабль находился там, где время утрачивает последовательность, а пространство теряет обычные свойства, тогда как на Земле протекали годы.

На какой-то миг звездолёт вырвался из вихря к великой радости экипажа, но вскоре новый виток подхватил их.

Вскоре астролётчики заметили, что корабль стремительно и неуклонно несёт к какой-то дыре. Сидя в рубке управления, они молча смотрели на экран переднего обзора и наблюдали, как перед ними медленно и неотвратимо разверзается пропасть, где нет звёзд и туманностей, где отсутствует пространство и время.

- Что это, Элм? - спросила командира Эльза Аридэн.

- Похоже, нам не везёт, - ответил командир Элм Берт, - нас прямиком несёт в темпоральный разрыв пространства-времени.

- Объясни яснее, - попросил химик Дэн Мелл, - если нам суждено умереть, то мы хотя бы будем знать, отчего.

- Учёные лишь предполагают существование таких разрывов, - сказал астрофизик Вейк Мор, - их наличие не могут доказать на практике. А те, кто мог бы доказать, уже не имеют такой возможности. В сущности, это как бы <дыры> в нашей Вселенной, ведущие в забесконечность. Что за этими дырами - никому из смертных узнать не дано.

- Ты хочешь сказать, что, попав в темпоральный разрыв, мы все умрём? - спросила Эльза Аридэн.

- Да, если это можно так назвать, - ответил Вейк Мор, - образно говоря, в этой дыре - первозданное Ничто. А во что можем превратиться мы, попав в это Ничто? Какой трансформации могут подвергнуться наши атомы?

- Сейчас узнаем, - голос командира прозвучал зловеще, - располагайтесь удобнее в креслах. Похоже, Ничто уже близко.

Перед глазами астролётчиков встала беспросветная тьма, затем возник безысходно-ослепительный свет, и они на миг узрели рождение, эволюцию и смерть Вселенной. Потом они провалились в бездну. Пропасть с чудовищным грохотом приняла их, словно разинутая пасть, свирепо чмокнув исполинскими губами.

Эльза Аридэн открыла глаза, и первое, что она увидела, были яркие россыпи звёзд на экране переднего обзора. Как будто ничего не изменилось, и их не поглотило Ничто. Её осенила догадка.

- Как? - изумлённо вскричала она. - За бесконечностью - бесконечность?

- А что ты хотела увидеть за бесконечностью? - спросил очнувшийся вслед за ней Элм Берт.

- Я не понимаю, почему мы живы, - сказала Эльза, - ведь

Вейк говорил, что...

- Насколько я вижу, - ответил Элм, - сам Вейк не так уж и жив.

Эльза огляделась и только теперь заметила, что из всего экипажа <воскресли> всего двое: она и Элм. Остальные сидели в креслах бледные и неподвижные.

- Неужели они!.. - в ужасе воскликнула Эльза.

Она взялась за пульс Вейка Мора: он еле прощупывался, периодически пропадая.

- Успокойся, - сказал Элм, - всему своё время.

И правда, астролётчики один за другим начали приходить в себя, и каждый был удивлён несказанно.

- С воскрешением! - поздравил всех Элм Берт. - То, что все живы, это, конечно, хорошо. Но вот в какое время и в какую часть пространства мы попали, и что нам теперь делать, я не знаю.

- Может, попробуем прыгнуть в гиперпространство? - робко предложил хронолог Рем Голд.

- Но ведь мы не в состоянии рассчитать координаты!.. - воскликнул астрофизик Вейк Мор.

- А что нам остаётся делать? Тащиться по незнакомой Вселенной с субсветовой скоростью?

- А что нам даст прыжок в гиперпространство?

- Рем прав, - сказал командир, - прыжок - это хоть какое-то действие, тем более что нам всё равно терять нечего. Какие возьмём координаты?

- Давайте попробуем условно взять координаты Земли по отношению к тому участку Галактики, где мы находились до входа в Разрыв, - предложил Вейк Мор.

- Хорошая идея, - сказал Элм, - ну, что, рискнём?

На экране переднего обзора постепенно увеличивалась планета. Голубая, до боли знакомая.

Элм Берт увеличил её изображение, и все убедились, что это - Земля, но с другими, незнакомыми очертаниями материков, и окружённая слишком плотным облачным слоем.

- Бред какой-то! - пробормотал Вейк Мор. - Эта планета не может быть Землёй. Это что-то другое...

- Нет, Вейк, это действительно Земля, - произнёс биолог Венд Рич, - только, судя по очертаниям материков, на ней сейчас Мезозойская Эра.

- Час от часу не легче! - воскликнул Дэн Мелл. - Это что же, получается, что мы прилетели в гости к ящерам?

- Получается так, - ответил Элм.

- Что будем делать? - спросила Эльза Аридэн.

- Мы не можем найти <дыру>, чтобы вернуться обратно, в свою Вселенную, - ответил Элм Берт, - нам остаётся только приземлиться и умереть, как подобает исследователям. Единственное утешение - погибнем мы всё же на нашей родной планете, пусть даже и древней.

Многие, многие месяцы вездеход бесцельно двигался через непроходимые болота и чащи. Путешественникам оставалось лишь мрачно любоваться красотами буйной флоры и фауны Юрского периода Мезозойской Эры. Они почти не разговаривали, каждый, думая о своём. Самый молодой из них, Дэн Мелл, был на грани сумасшествия, Эльза Аридэн радовалась чему-то...

Множество раз становились они свидетелями кровавых трагедий, и они стали для них привычными.

Однажды вездеход подъехал к болоту, обросшему по берегам папоротниками, саговниками и гинкго, где отдыхало стадо моноклониусов. Над болотной гладью скользили в воздухе огромные птеродактили, изредка касаясь крыльями мутной воды.

Солнце клонилось к закату, ровную гладь болотной жижи залил кровавый свет.

Стадо ископаемых носорогов мирно отдыхало. Животные дремали, развалившись на берегу. И лишь некоторые из них, видимо, <часовые>, бодрствовали, чутко прислушиваясь.

Вскоре путешественники заметили, что они не одни наблюдают за моноклониусами. Из-за ветвей папоротника выглянула хищная голова антродемуса. Его красные глазки свирепо и хищно поблёскивали. Голодно щёлкала огромная зубастая пасть.

Ящер притаился. Он выжидал.

Один из мирного стада, <часовой>, не подозревая об опасности, приблизился к своему врагу, обрывая и пережёвывая жёсткие болотные растения.

Ящер подпустил его к себе поближе и прыгнул. Моноклониус пронзительно заревел, и проснувшиеся животные немедленно устремились к воде. Рванулся к ней и пойманный несчастный моноклониус, неся антродемуса на своей спине, который мёртвой хваткой впился в его плоть.

Молодой моноклониус остановился и закрутился на месте, пытаясь поразить хищника своим острым рогом, но у него ничего не получалось. Тогда он наступил на свисающий хвост антродемуса, и тот, взревев от боли, ослабил хватку.

Моноклониус сбросил с себя врага и вонзил в него рог, тот заметался в предсмертной агонии и замер. Так завершилась последняя в его жизни охота.

<Часовой> с рваной раной на спине ринулся в воду, к своему стаду, но на запах крови тут же слетелись птеродактили, пожирая и живую, и уже мёртвую плоть.

- Жаль, не выживет наш победитель, - сказал Элм Берт, - ну, что, двинемся дальше?

- Смотрите!- вдруг закричал Вейк Мор.-Наверное, у меня галлюцинации...

Из зарослей гинкго вышел человек в светящейся оболочке. Он подошёл к трупу антродемуса, поедаемому птеродактилями. В его руках был аппарат, которым он запечатлевал происходящее. Человек стоял спиной к вездеходу, скрытому в зарослях папоротников.

- Боже!.. - выдохнула Эльза Аридэн. - Невероятно! Эта светящаяся оболочка -защитный хроноскафандр. А этот человек - мой муж, хрононавт Уолт Аридэн, сгинувший в потоке времени... Это наше спасение! Немедленно откройте люк! Он не видит нас!..

- Эльза, это опасно!.. - возразил Элм Берт, но женщина уже нажала на кнопку, прозрачная полусфера откинулась, и Эльза выскочила наружу.

- Уолт! Уолт!!!

Он обернулся, и на его измождённом лице отразилось нечеловеческое изумление, близкое к помешательству.

- Эльза?!.

Командир Космического Центра испытывал бесконечные муки совести. Он допустил непростительную ошибку. Только что он сообщил несчастной женщине, находящейся в пространственно-временном вихре, об исчезновении её мужа. Ведь ей и так невыносимо тяжело, и неизвестно, выберутся ли они...

- Командир, - сказал вошедший помощник, - только что прибыл экипаж пропавшего звездолёта <Вертикаль-2>.

- Что вы несёте! - был ответ. - За последние полгода ни один звездолёт не приземлялся на космодроме.

- Они прибыли не на звездолёте, - ответил помощник, - из Центра Времени пришло сообщение... Впрочем, они вам сами всё расскажут.

Помощник удалился, и в Центр Управления вошли семеро усталых людей.

- Мы прибыли, Командир, - произнёс Элм Берт, - экипаж в полном составе. Мы доставили очень ценную информацию.

Командир Центра потерял дар речи.

Уолт и Эльза стояли рядом, крепко держась за руки, и этот факт не поддавался объяснению, тем более что всего лишь минуту назад он сообщил этой женщине о смерти её мужа.

Если бы он знал, какими долгими путями эти двое добирались друг к другу!

3. Серая Пустота

В Галактике есть некая планета, жители которой фанатично и самозабвенно поклоняются Серой Пустоте.

Сброд, обитающий на планете Элькор, одной из колоний Земли, с большим натягом можно было назвать цивилизацией. Когда-то они, выходцы с Земли, составляли таковую, но с появлением Серой Пустоты их развитие остановилось. Они ни к чему не стремились, почти ничего не создавали, они не заботились друг о друге и потеряли способность кого-то любить. Им было некогда заниматься всем этим. Целые дни они проводили либо у Великого Бассейна Серой Пустоты, либо в нескончаемых мыслях о ней. Она была смыслом их жизни, основой Вселенной, концом и началом.

Люди так много времени посвящали Серой Пустоте, что даже перестали размножаться, и цивилизация стала вымирать. Их осталось совсем немного, несколько тысяч человек на всю планету. Но им было всё равно.

Длительное отсутствие каких-либо сведений от некогда процветающей дальней колонии обеспокоило Космический Центр, и на Элькор была послана экспедиция. Среди других туда отправилась моя любимая, биохимик Сэм Грин.

Странные люди с сосредоточенными до бессмысленности лицами предстали перед астролётчиками с Земли, прибывшими на Элькор. Похоже, они почти не обратили внимания на приземлившийся звездолёт.

Все обитатели планеты жили в одном месте, и в этих широтах климат всегда был по райскому тёплый. Они облачались в одежды наподобие туник и все дни проводили возле Бассейна Серой Пустоты. Их город зарос дикими плодовыми деревьями (земными, элькорианскими и их гибридами), видимо, именно они служили источником пищи для погружённых в транс эль-

корианцев.

Но астролётчики с Земли ещё ничего не знали о Серой Пустоте. Их взорам предстали лишь полуразрушенные строения удивительной красоты, возле которых, как сомнамбулы, слонялись элькорианцы.

В недоумении бродили астролётчики по некогда процветающему городу земной колонии. Зрелище поразило их.

Командир Вэн Син поймал за руку одного из элькорианцев.

- Мы прилетели с Земли, чтобы узнать, почему от вас столетия не было вестей - сказал он. - Что у вас стряслось? Почему вы такие?..

- Воспоминания о планете предков давно угасли, - ответил человек, - возвращайтесь домой, чужеземцы, ибо вам неведома Серая Пустота.

Элькорианец удалился, оставив пятерых астролётчиков думать над его словами.

- Я ничего не понял! - воскликнул Вэн Син, смотря ему вслед. - Что он бормотал про какую-то Серую Пустоту?

- Похоже, они тут все на чём-то помешанные, - сказал Ларт Ли.

- Что же нам делать? - спросил Люм Кесс.

- Идти за ним! - ответила Сэм Грин.

Элькорианец уверенно шёл в определённом направлении. Следуя за ним, астролётчики вышли к обширному круглому амфитеатру, где, погружённые в непонятный транс, восседали почти все оставшиеся на планете элькорианцы.

Земляне приблизились к краю амфитеатра, заглянули вниз и застыли от сковывающего ужаса.

На дне амфитеатра зияла пропасть, наполненная чем-то серым, туманным, клубящимся. Оно сочилось из ямы, растворяясь в пространстве.

- Что это? - спросил Гранд Керри, обращаясь к незнакомцу, за которым они шли. - Пожалуйста, скажите нам, что это?

- Это - Серая Пустота, - лениво ответил элькорианец, - вам всё равно не понять, что это. Её нужно чувствовать годами, веками, пока Она не станет тобой, а ты - Ей. Это не жидкость, не газ, не твёрдое тело. Мы не помним, когда Она возникла и откуда пришла, но нам кажется, Она была всегда.

- Опять тот же бред! - воскликнул Вэн Син. - И что же, значит, вы все такие от этой дряни? Она же подчинила вас себе! Она поглотила ваш разум и волю. Она питается вашими чувствами, мыслями, она опустошает вас! Неужели это длилось века? Теперь понятно, почему вы такие!..

Пустота в гигантской яме потемнела.

- Тише, чужеземец, - сказал элькорианец, - не смей говорить плохо о Серой Пустоте! Летите назад, на Землю, и оставьте нас наедине с Ней. Это всё, что нам нужно.

- Скоро вы все вымрете! - произнёс Люм Кесс. - Вас осталось совсем немного. Чем же тогда будет питаться эта дрянь? Похоже, она ненасытна. Кто знает, что предпримет тогда эта субстанция? Может быть, она захочет облюбовать другую планету?

- Неужели ей нельзя противостоять? - спросил Гранд Керри и изо всех сил встряхнул незнакомца. - Да очнись же ты! Вселенная больше, чем Серая Пустота, а жизнь ярче! Попробуй не думать о ней!

- Вы наскучили мне, - ответил элькорианец, - если вы не

уберётесь сами, то ради спокойствия Серой Пустоты мы убьём вас или заставим убраться силой.

- Оставь его, Гранд, это бесполезно, - сказал Ларт Ли, - она их зомбировала столетиями, из поколения в поколение. Может, нам на самом деле вернуться обратно, пока эта штука не начала на нас действовать более ощутимо. Я не хочу превращаться в зомби.

Пока друзья думали, что им делать дальше, Сэм Грин подошла к краю пропасти. Серая субстанция отпрянула от неё и заклубилась в другую сторону.

<Странно, - подумала Сэм, - видимо, я ей не нравлюсь. Сначала, должно быть, она также избегала людей с сильной волей, имеющих богатый духовный мир, ясный разум. А те, кто послабее, сразу стали её жертвами. Постепенно их становилось больше,влияние её росло, пока не осталась кучка вымирающих зомби. Эта дрянь эгоистична и ненасытна. Но она поглощает лишь определённую пищу, ту, что способна переварить. Что-то во мне является для неё смертельным ядом...>

- Сэм! - крикнул Вэн Син. - Поднимайся к нам! Решено: мы возвращаемся на Землю!

- Идите! - ответила Сэм. - Идите к звездолёту. Я догоню вас.

Сэм подошла к самому краю, совсем близко...

- Отойди от Бассейна, женщина! - услышала она за спиной чей-то голос. - Отойди! Серая Пустота беспокоится. Никто не смеет подходить к Ней так близко, тем более, чужеземцы.

Элькорианец схватил Сэм за руку, пытаясь оттащить её от ямы, она с силой выдернула руку и потеряла равновесие. Сэм сгинула в Серой Пустоте.

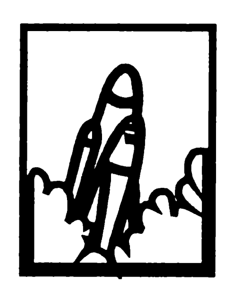
Отошедшие от амфитеатра астролётчики обернулись. Серой Пустоты больше не было. Что-то искрящееся, неповторимо прекрасное поднималось над Бассейном, исчезая в пространстве. С элькорианцами творились странные вещи. Одни падали без чувств, другие смеялись, третьи плакали, четвёртые удивлённо озирались по сторонам.

Элькорианец, который привёл их к Бассейну, схватил Гранда Керри за руку.

- Ты был прав, землянин. Жизнь, действительно, ярче...

О чём думала Сэм в миг падения? Я уверен, она вспоминала обо мне и о нашей Любви.

1987 - 1996 г.г.

Дельфиния

Майкл Блэк, как всегда, задержался в вольере дельфинов после работы. Дельфин Хелси высовывал из воды свою острую морду, подпрыгивал и нырял, взмахивая хвостом. Они с Майклом были большими друзьями.

Сейчас весёлый Хелси приглашал Майкла поиграть с ним. Он подплыл к самому краю бассейна и смотрел на него своими умными живыми глазами.

Майкл ласково похлопал дельфина по тёмной глянцевито-мокрой спине.

- Нет, Хелси, не могу,- -сказал он,- мне пора идти...

Дельфин умоляюще заверещал.

- Ну, хорошо,- улыбнулся Майкл,- я посижу с тобой ещё немного.

Майкл Блэк работал в Научно-исследовательском институте биологии, по части дельфинов. Институт имел пятерых дельфинов: четырёх самцов и самку, мать Хелси, который родился и вырос в неволе и никогда не видел моря. Его содержали отдельно от других дельфинов, но ему почти никогда не было скучно, так как он являлся всеобщим любимцем, и сотрудники не упускали случая пообщаться с умным и весёлым Хелси. Но из всех людей дельфин предпочитал именно Майкла.

Оттого, что люди его баловали, как могли, Хелси вырос очень большим и превышал размерами всех остальных дельфинов. Его имя полностью ему соответствовало.

Майкл поднялся.

- Мне пора идти, Хелси.

На прощание дельфин подпрыгнул, взмахнув хвостом.

* * *

Майкл вышел из здания Института Биологии и направился к берегу моря. Там его ждал дельфин по имени Эйдинг.

Майкл знал такое место у берега моря, где не встретишь ни одного человека. Небольшая бухточка, со всех сторон ограждённая низкими скалами, была отличным местом для работы.

Молодой учёный не спеша шёл по берегу. Под ногами хрустела галька, засохшие водоросли. Как всегда, он не мог не обратить внимания на красоту моря, которое каждый день выглядело по разному. Сегодня вода была невероятно прозрачная, зелёно-голубого цвета, ничем не замутнённая благодаря пол-

ному штилю; местами синели впадины, а по поверхности стелились яркие солнечные блики.

Майкл остановился, сложил ладони рупором и крикнул в сторону моря:

- Э-эй-ди-инг!

Тутже совсем близко от берега из воды высунулась острая дельфинья морда.

- Эйдинг! - обрадовался Майкл.

Дельфин радостно заверещал и нырнул, совсем как Хелси взмахнув хвостом.

- Сейчас!- крикнул Майкл, сбрасывая с себя одежду, и погружаясь в воду вслед за дельфином.

Они играли, резвились, кувыркались в воде. Юноша оседлал дельфина, ухватился за спинной плавник, словно бритва разрезающий поверхность воды, и Эйдинг понёс его к коралловым рифам, изобилующим у берегов Кубы.

Но вдруг Майкл резко остановил дельфина и повернул его к скале, которую с трёх сторон омывало море. Юноша заметил на её вершине стройную фигуру женщины. Она словно окаменела, тёмные линии её силуэта были чёткими на фоне заката, и создавалось впечатление, что это - статуя, выточенная искусным мастером прямо из скалы. Сливаясь с камнем, женщина казалась неотделимой от моря, ветра, скал, природы!.. Она стояла неподвижно, вскинув голову, заложив за неё руки, и только влажный ветерок шевелил ее длинные волосы. Она смотрела на заходящее солнце, улыбаясь ему. И над ней с криками парили чайки.

Солнце лениво опускалось за горизонт. По воде стелились алые блики. Ветер усилился, и белые барашки волн бежали к берегу, разбиваясь о подножие скалы.

А женщина всё стояла, не шевелясь. Майкл наблюдал за ней из-за скалы, одной рукой обняв Эйдинга, а другой держась за каменистый уступ. Он не мог оторвать глаз от неподвижной фигуры: она очаровывала, приковывала взгляд, гипнотизировала, завораживала.

Дельфин елозил в его руках, недовольно вскрикивал: ему надоело находиться на одном месте, он был непоседой. И Майкл отпустил его. Тот весело засвистел, заверещал, ринулся вглубь, вынырнул и погрузился снова.

Женщина смеялась, наблюдая за ним. А Майкл не решался выйти из своего убежища.

Она вытянула вперёд руки, чуть присела и прыгнула. У Майкла захватило дух от совершенной гармонии. Как гибко и прекрасно её тонкое тело! Как грациозно и согласовано каждое движение!

А она уже играла с Эйдингом, резвилась и кувыркалась в волнах, и до Майкла долетал её мелодичный смех.

<Кто она? - думал Майкл. - Откуда она появилась? Зачем вторглась в наши с Эйдингом владения?>

Эйдинг издал призывный крик, и вот уже целая стая дельфинов кружится вокруг неё с ласковым верещанием. И закат золотил их гладкие спины.

Майкл не выдержал и выплыл из своего укрытия. Около часа они резвились и хохотали в кругу дельфинов, не говоря друг другу ни слова. А когда ярко-алый солнечный диск опустился за горизонт, они вышли на берег усталые и молча опустились на тёплый песок. И так же молча, без слов, они смотрели друг на друга. Им и не хотелось разговаривать.

Майкл смотрел на неё и любовался ею. Золотистые волосы, чёрные глубокие глаза, прямой красивый нос, выпуклый лоб и упрямый подбородок. Брови тянутся вверх, чуть-чуть изогнутые, как расправленные крылья чайки. Девушка отвечала ему тем же взглядом.

Закат догорал. На горизонте виднелись лиловые, алые, багряные полосы, но с потемневшего моря уже надвигался, сгущаясь, таинственный сумрак; он обволакивал всё вокруг. А на темнеющем небе загорелась, нерешительно мерцая, первая робкая звезда

Молодые люди сидели рядом, всё ещё не решаясь заговорить, и Майкл ,наконец, не выдержал.

- Кто ты?- спросил он, нарушая состояние полного слияния с природой.

- Исабель,- просто ответила она, и её голос так гармонировал с морем, закатом и звёздами, что юноша поразился.

- А я Майкл...- сказал он.

Больше за этот вечер они не произнесли ни слова, и разошлись, не договорившись о встрече.

* * *

Но судьба оказалась благосклонной: молодые люди стали сближаться, встречаясь каждый день на берегу, подолгу беседовали, вместе играли с дельфинами. Они больше узнали друг о друге.

Исабель училась в Гаване, специализируясь по части морской фауны. Теперь она приехала на каникулы к родственникам, которые жили неподалёку от моря в небольшой деревушке.

Майкл Блэк работал лаборантом , изучал повадки и <язык> дельфинов. Он был гениальным парнем, но никто не знал о его таланте. В тайне от всех Майкл конструировал уникальный прибор. И он не мог удержаться от соблазна рассказать о нём Исабель.

Они сидели на вершине скалы и наблюдали закат, необычайно красивый в этих широтах. Исабель внимательно слушала Майкла.

- Это будет что-то вроде металлического обруча,- говорил он,- но в нём-провода, микросхемы, кристаллы и куча прочих мелочей. От него отходят провода, соединённые с динамиком и микрофоном. Стоит только укрепить этот обруч на голове дельфина, и я буду знать, что означает каждый его вскрик-слово в переводе на человеческий язык.

- И ты веришь в это?- спросила Исабель.

- Во что?

- В то, что крики дельфинов-это своего рода речь, переводимая на наш язык?

- Я твёрдо в этом уверен!- ответил Майкл, не на шутку оскорблённый скепсисом Исабель.

- Не обижайся, Майк,- сказала девушка,- я просто хотела проверить... А когда ты его закончишь?

- Скоро,- ответил юноша,- очень скоро. Будем работать вместе?

- С удовольствием,- произнесла чертовка, сводя Майкла с ума своей ослепительной улыбкой.

Майкл предложил Исабель сотрудничество чисто из вежливости, он вовсе не хотел вмешивать её в это дело, сам не зная, почему. Он привык всё делать втайне, один, и даже не любил, когда ему помогали. Но никто не способен устоять пе-

ред подобной улыбкой...

- Мне пора,- сказала Исабель и поднялась на ноги.

- Я провожу тебя?

- Нет!- Исабель вытянула вперёд руку в знак категорического отказа.- Не надо.

Майкл смотрел ей вслед. Она спустилась со скалы и пошла по узкой тропке по пологому склону вниз; там светились огоньки её деревушки. Он смотрел до тех пор, пока каменистый выступ скалы не скрыл её . <Всегда так!..>- с досадой подумал он .

Между тем Исабель шла и думала: <Молодец, Майкл! Конструкция моего прибора точно спроецировалась в его сознании. Человечество стоит на пороге новых открытий>.

Она остановилась. Ждала... Огляделась вокруг-никого. С ней начали происходить изменения: смуглая кожа стала серебристо-голубой, волосы зазолотились ещё больше, и только глаза её,- странные, глубокие ,мудрые,- не изменились.

- Илли,- прозвучал голос внутри её мозга,- ты готова?

- Да!- ответила девушка и растворилась в ночи,- исчезла.

* * *

Майкл действительно создал прибор, о котором говорил Исабель. Он назвал его дельфинофоном и сначала решил испробовать на Хелси.

Как всегда, молодой учёный задержался в вольере с молодым дельфином после работы. Рядом с ним никого не было. Майкл достал из сумки дельфинофон, подозвал Хелси. Тот подплыл.

Когда Майкл надевал прибор на голову дельфина, Хелси вырывался и недовольно верещал. Когда же аппарат был всё же закреплён на дельфине, из динамика послышалось:

- Что ты на меня надел? Я не хочу!.. Сними это и пойдём играть, пойдём играть! Мне так скучно здесь!

Радость и торжество переполнили Майкла. Удалось! Какая небывалая удача! Свист, верещание, вскрики дельфинов- это не просто беспорядочные нечленораздельные звуки,--это речь, фразы, слова, с помощью которых дельфины общаются друг с другом!

- Эх, Хелси,- сказал Майкл дельфину в микрофон,- тебе бы всё играть да играть! А мне нужно заниматься делом.

Уникальный аппарат перевёл Хелси эти слова на дельфиний язык.

Майкл снял со своего любимца бесценный прибор и, наполненный радостным ликованием, направился к морю, к Эйдингу, к Исабель.

* * *

Но Исабель сегодня почему-то не пришла. Это даже обрадовало Майкла. Он вошёл в воду. Дельфин подплыл к нему.

- Эйдинг,- сказал ему молодой учёный, укрепляя на его голове дельфинофон,- сейчас мы будем говорить друг с другом.

Эйдинг, казалось, всё понимал, не вертелся, перестал издавать свистящие звуки.

- А теперь говори!- сказал Майкл в микрофон и услышал следующее:

- Я знал, что когда-нибудь люди создадут подобный прибор. Его создал ты. Молодец, Друг! Теперь у людей есть возможность получить от дельфинов много информации.

- О чём?- спросил Майкл.

- Об океане. Он хранит множество ещё не разгаданных вами тайн. Вы, люди, даже не представляете всей глубины на-

шего разума. У нас были общие предки. Земноводные. Одни остались на суше, другие вновь углубились в океан. У нас нет ни рук, ни ног , как у вас, чтобы создавать замысловатые аппараты, но у нас есть плавники, и мы можем плавать. Может, это и к лучшему, ибо нам оставалось только заняться совершенствованием нашего разума. Мы безобидны. Добро заложено в нашей сути. Мы обеспокоены, потому что вы, люди, не способны жить в мире, вы отравляете среду вашего обитания, а также Океан.

Майкл молча слушал. Дельфин продолжал:

- Главное наше сходство с людьми - это разум. Да, разум! Мы, дельфины, можем поделиться с людьми нашей мудростью, если, конечно, они захотят этого.

- А в чём заключается ваша мудрость?- спросил Майкл.

- Так просто не объяснишь,- ответил дельфин,- мы мыслим слишком разными категориями. Я уже говорил, что мы способны только плавать. Веками мы оттачивали Мысль, созерцая красоту Океана. Мы свободны, мы слиты с природой, мы слушаем и понимаем её, а она понимает нас. И каждая наша Мысль-гармония.

- Что ты хочешь сказать?- не понял Майкл.

- Это очень просто, Друг,- сказал дельфин.- Нельзя измерить Бесконечность, но можно понять и ощутить её. Нельзя прожить Вечность, но можно проникнуться ею. Нельзя постигнуть непостижимое, сидя в коконе догм.

Майкл молчал, переваривая услышанное. Он ожидал чего угодно, но только не этого. Рядом с Эйдингом он вдруг почувствовал себя жалкой инфузорией туфелькой.

- Ты принёс с собой баллоны с воздухом, Друг?- спросил Эйдинг.

- Нет,- ответил Майкл.

- Жаль. А то бы мы поплыли, поплыли!..

- Куда?

- В Дельфинию!

- Эйдинг, объясни...

- Увидишь сам.-сказал дельфин и погрузился в воду.

А рядом, за скалой, стояла Исабель. Она улыбалась.

* * *

Следующий день был выходным, и Майкл явился на берег моря с аквалангами рано утром.

Эйдинг уже ждал его, но рядом с ним вертелась незнакомая дельфин-самка. Исабель опять не пришла, но это не очень огорчило Майкла. <Ничего, потом я ей всё расскажу>,-подумал он.

Он надел акваланги и ласты и погрузился в приятно тёплую зеленовато-голубую воду. Потом поплыл вслед за дельфинами. Где эта Дельфиния, о которой говорил Эйдинг? Далеко ли? Эйдинг толком ничего не объяснил, а в баллонах с воздухом запас на два часа.

Они плыли долго, и чем дальше они удалялись от берега, тем красочней и живописней становилось морское дно. В огромных разноцветных кораллах шныряли косяки рыб всевозможных форм и расцветок. В тёплой океанской воде, пронизанной солнечным светом, бурно развивались водоросли.

Майкл плыл за Эйдингом и дельфинихой и никак не мог понять, чем она так сильно напоминает ему Исабель. У дельфинихи было очень грациозное, гибкое тело, она легко и быстро плыла. Цвет кожи необычный. Голубоватый какой-то...

И вот, перед ними возникло гигантское основание кораллового атолла, в котором виднелся светлый проём. Эйдинг ри-

нулся туда, дельфин-самка-за ним, потом Майкл...

И яркий блеск ослепил его, ударил по глазам, и то, что он успел увидеть, ошарашило и раздавило его разум: какие-то ослепительно сверкающие строения, прозрачные, похожие на трапецоиды, пирамиды и конусы, вздымались и уходили вверх, туда, где над водой склонялись зелёные листья пальм. Большего его помутнённое и ослеплённое сознание отказалось принять.

* * *

Майкл открыл глаза. Где это он? Под водой? Огляделся вокруг. Нет, вроде, на берегу, - небо, солнце, скалы... Исабель.

Исабель?!!

Она склонилась над ним, гладила его волосы, говорила ласковые слова. Он ощущал затылком тепло её колен.

- Прости меня,- говорила девушка,- я не знала, что это так подействует на твою психику. К тому же, в баллонах с воздухом иссяк запас. Я не уследила, прости.

Майкл не слышал её. Он молчал, пытаясь привести в порядок мысли. И вспомнил: яркий блеск, пирамиды, конусы... Было ли это?

- Почему ты молчишь?- спросила его Исабель.

Он поднял на неё отсутствующий взгляд и будто очнулся.

- Исабель?- удивился он.- Почему ты так долго не приходила?..

-Я всегда была рядом,- ответила она.

- Исабель,- сказал Майкл,- я видел такое!..

- Я знаю,- произнесла девушка.

- Откуда?

- Я плыла с тобою вместе.

<Дельфин-самка!>-вспомнил Майкл.

- Так это была ты?- воскликнул он.- Но как?.. Этого не может быть!

- Да, это была я,- ответила девушка и мягким движением уложила вскочившего было Майкла обратно к себе на колени,- не волнуйся. И ни о чём не спрашивай. Я тебе всё объясню.

Она ласково поцеловала его в лоб.

- Не пытайся понять это сейчас,- сказала она,- потом... постепенно. Я вовсе не студентка биоинститута, я даже не человек. Я - делианка.

Кожа девушки стала серебристой с голубым отливом, а волосы ярко заискрились на солнце.

Майкл зажмурил глаза, тряхнул головой, открыл их снова, но ничего не изменилось.

- Я жительница планеты Дела,-произнесла серебристоголубая красавица, гордо встряхнув золотистой гривой.

- Значит, так ты выглядишь на своей планете?- спросил ошарашенный Майкл.

- Да. Мы уже давно и тщательно исследуем Землю. Изучили языки всех ваших наций и народностей. Иногда мы живём среди вас.

- Почему же мы не знаем об этом?

- Потому что с вами ещё слишком рано вступать в контакт. А с ними,-делианка кивнула головой в сторону моря,-мы уже давно контактируем.

- Каким образом?

- Мы способны принимать любую форму. Мы превращаемся в дельфинов и живём среди них. Мы постигаем их мудрость. Она воистину безгранична, добра и бесхитростна.

- Исабель,- произнёс Майкл,- а почему ты раньше не ска-

зала мне об этом?

- Нам нельзя себя обнаруживать. Мне здорово попадёт за то, что я тебе открылась. Ты первый, с кем мы вступили в прямой контакт.

- Исабель... А этот блеск, ослепительные сооружения... всё это было?

- Было,- ответила девушка.

- Что это?

- Наша исследовательская станция. Мы изучаем жизнь Океана. К нам приплывает много дельфинов, и мы общаемся с ними на их языке. Станция расположена в кольце атолла. Эйдинг называет её Дельфинией.

- Вот как?- сказал Майкл.-Значит, это всё-таки не было сном...

Его мозг был явно перегружен. На него нахлынула апатия, затем Майкл внезапно громко расхохотался.

- Ты что?- удивилась Исабель.

- Подумай только,- сказал сквозь смех Майкл,- инопланетяне интересуются дельфинами больше, чем мы, земляне! Они устанавливают с ними контакт, считая нас безмозглыми идиотами. Чёрт побери, так и есть! Как это нелепо! Ха-ха!

- Успокойся,- сказала делианка,- пойдём, я провожу тебя домой.

Уже сгущались сумерки, и Майкла бил озноб. Он встал на ноги и покачнулся от лёгкого головокружения. И тут же почувствовал опору,-плечо Исабель.

С помощью делианки Майкл добрался до маленького исследовательского городка, расположенного у берега моря возле Института Биологии.

Исабель завела юношу в его домик, уложила в кровать, а сама села рядом. Положила прохладные ладони на глаза Майкла.

- Спи.

- Исабель,- попросил Майкл,- не уходи.

- Я не уйду,- пообещала делианка.

- Как зовут тебя на твоей планете?

- Илли,- ответила девушка.

- Ил-ли,-повторил Майкл,- в твоём имени-музыка.

* * *

Яркий солнечный свет наполнял комнату. Голова была ясная, от вчерашнего недомогания и следа не осталось.

Илли рядом не было. На столе лежала записка.

<Милый Майк! Сегодня вечером, перед закатом, я жду тебя на нашем месте. Я хочу быть с тобой. Через пять дней я возвращаюсь на Делу. Надолго. Приходи обязательно. Буду ждать тебя. Как ты себя чувствуешь? Я люблю тебя. Илли.>

Последние слова записки вызвали у Майкла настоящий экстаз. Неизвестно, сколько времени он сидел на кровати с глупой улыбкой, повторяя, словно молитву: <Я люблю тебя. Илли.>

Наконец, его взгляд случайно упал на часы. Пол шестого утра. Пора на работу.

* * *

- Ты пришёл,- сказала Илли, поднимаясь с круглого камня ему навстречу.

- Я не мог не прийти,- ответил Майкл, заключая её в объятия.

Они сели рядом на тёплую плоскую каменную глыбу.

- Знаешь, Илли,- сказал юноша,- я всё ломаю голову над одним вопросом.

Илли выжидательно заглянула ему в глаза.

- Дельфинофон - очень сложный прибор, и я сам никогда бы не смог до него додуматься. Правда, у меня иногда мелькали подобные мысли, но это были всего лишь неопределённые мечты. И вдруг в какой-то момент этот прибор словно возник у меня перед глазами, ясно и чётко, во всех подробностях. Я почти не прилагал усилий, собирая его. Никогда не думал, что я способен на это.

Илли про себя улыбнулась, а вслух сказала:

- Всё очень просто. Ты долго вынашивал эту идею, пока она не оформилась в конкретный прибор. Ты допускал возможность создания дельфинофона и был твёрдо уверен, что дельфины-мыслящие существа, и вот результат. Теперь ты должен поделиться своим открытием с человечеством.

- Я это сделаю,- ответил Майкл.

Они помолчали, причём лицо молодого учёного становилось всё мрачнее.

- Ты улетаешь,- грустно сказал он.

- Да,- ответила Илли, созерцая море, затем резко повернулась лицом к Майклу,- но не нужно грустить. Я вернусь. Быть может, навсегда.

В её глазах появились слёзы, и она вновь повернулась к океану. Майкла же опять охватил экстаз.

- Я говорила со своими вчера,- сказала делианка,- они разрешили контакт с тобой. И они не осуждают меня. Нисколько.

- Илли,- произнёс Майкл,- мне хотелось бы вновь посетить Дельфинию. Может быть, завтра?..

- Я согласна,- ответила девушка,- я познакомлю тебя со своими однопланетцами. Ведь у нас в запасе пять дней.

Её сияющее лицо вдруг стало сосредоточенным и серьёзным.

- А сейчас я должна уйти. Меня вызывают...

Илли помолчала, к чему-то прислушиваясь, затем произнесла, словно отвечая на чей-то вопрос:

- Да, я готова. Телепортируйте...

Обернулась к Майклу, заглядывая ему в глаза.

- До встречи!

Она обняла его, поцеловала и исчезла.

- Илли!- позвал Майкл.

Но девушки уже не было рядом.

* * *

Грузный и одышливый весельчак, начальник лаборатории Доминико Ламоррио хитро щурился, поглядывая на Майкла, пока подписывал ему разрешение на пятидневный отпуск.

- И зачем тебе понадобились эти пять дней?- шутя, возмущался Доминико, затем пронзил лаборанта внимательным взглядом и вынес диагноз.- Ты по уши влюблён, дружище. И хочешь куда-нибудь махнуть со своей красоткой.

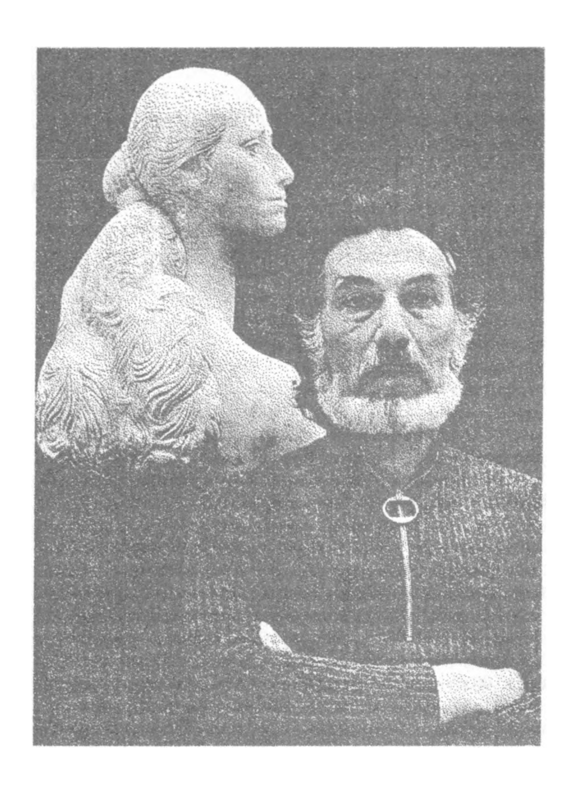
- Ты, как всегда, прав, Доминико,- ответил Майкл.

- И куда же, если не секрет?

- В Дельфинию, Доминико, в Дельфинию!

Ламоррио лишь недоумённо пожал плечами, приняв слова Майкла за глупую и неудачную шутку.

Май 1988 г.

Юродивый

Описанные здесь события произошли со мной в те славные времена, когда обширное государство, занимающее шестую часть земной суши, ещё не представляло собой лоскутное одеяло, плохо сшитое из неравных кусков материи, когда Россия и Украина составляли ещё единое целое, но локомотив под названием <перестройка> уже стремительно набирал ход, наполняя всё вокруг ветром перемен.

В то время я был молод, хорош собой, за моей спиной остался с отличием законченный университет, впереди брезжило прекрасное будущее молодого перспективного учёного-физика. Тогда я учился в аспирантуре и усердно писал кандидатскую диссертацию.

Каждое лето я приезжал на каникулы к своей тётке, которая жила в небольшой курортной деревушке близ Одессы, почти у самого берега моря. Здесь я отдыхал от мирской суеты, наслаждаясь красотой природы и простым человеческим общением.

Летом сюда наезжало много туристов-дикарей, которых охотно пускали к себе в дома на житьё местные люди. Это был постоянный и устойчивый источник их дохода.

В то лето я приехал в этот райский уголок дописывать

диссертацию. Здесь дело спорилось как нельзя лучше. Тётка Поля была неизменно мне рада, она жила одна и своих детей никогда не имела.

Необычайно живописная и добрая природа этого края (море, солнце, чудесные восходы и закаты, кипарисы и даже камни) невольно делала меня романтиком. Здесь я встретил свою первую и большую Любовь (раньше мне было некогда, слишком много времени посвящал учёбе) - мою Иришку.

Иришка жила неподалёку у своей бабки, к которой так же, как и я к своей тётке, наведывалась почти каждое лето. Это было чудное молодое создание с пушистой белокурой головкой на тонкой шее и мелодичным звенящим голоском. Она постоянно носила белые короткие платьица, и своими стремительными, грациозными движениями напоминала мне юную чайку.

Я полюбил её. Всё в ней радовало моё сердце. Мы провели с ней незабываемые дни, каждый из которых врезался в мою память короткой, но ослепительной вспышкой счастья...

Я познакомился с Иришкой весьма банальным образом, но это меня ничуть не смущало. В этой деревушке всё было просто, и люди, приезжая сюда, освобождались от лишних условностей, раскрепощались.

В первый же вечер после своего приезда я решил наведаться в местный клуб, забросив свою диссертацию, чтобы немного развеяться и потанцевать. Клуб представлял собой обычную танцплощадку под открытым небом, на которой от души выплясывали люди всех возрастов, в основном, конечно, туристы.

И даже сквозь грохот музыки я услышал её переливчатый смех и среди толпы разглядел её белое платье...

Всё вокруг располагало к нашей любви. У нас впереди было не так много времени и развитие наших отношений шло, разумеется, в ускоренном темпе. Но у меня нет желания излагать все подробности. Скажу только, что это было нечто особенное.

И только спустя некоторое время я понял, насколько Ирина являлась глупым, эгоистичным и легкомысленным созданием.

Но тогда... Три месяца, проведённые вместе с Иришкой, показались мне раем. Лишь только одно происшествие омрачило тогда идиллию. Но я был слишком ослеплён любовью, чтобы надолго останавливаться на этом.

* * *

События тех дней до сих пор чётко стоят в моей памяти.

Каждый день я встречаю его. Днём он обычно сидит возле местного универмага, прося подаяние, вечером иногда ошивается около танцплощадки. Такое ощущение, что он постоянно путается у меня под ногами. Хотя, впрочем, не только у меня.

Вот и сегодня я пошёл с утра в магазин, а он уже сидит около входа, оседлав крыльцо, весь обросший, не в лохмотьях, но в довольно поношенной одежде. Сидит и улыбается удивительно блаженной улыбкой, пронизывая взглядом проходящих мимо людей.

В деревне он считается одной из местных достопримечательностей. Жители деревни, указывая на него туристам, чуть ли не с гордостью сообщают: <Видишь, мол, это наш местный юродивый>. Туристы жалеют его и щедро подают, но при этом брезгливо воротят нос от антисоциального элемента.

Я тоже иногда подаю, хотя финансы молодого советского

влюблённого аспиранта весьма ограничены. Я не вижу ничего необычного в этом старике. Попрошайка, как попрошайка, ничего в нём особенного. Правда, если его разговорить, он может долго и пространно рассуждать о высоких материях, рассматривая какие-то туманные философские аспекты. Откуда столько дури в его обросшей грязной голове, неизвестно.

Никто не знает ни его имени, ни фамилии, для всех он просто Юродивый. И выглядит он как человек неопределённого возраста, хотя при близком рассмотрении ему можно было дать лет пятьдесят-шестьдесят.

Живёт Юродивый на окраине деревни в небольшой полуразвалившейся лачуге у самого берега моря. Питается подаяниями. Вот и всё, что я знаю о нём. Да он мне и не интересен. Торчит, как бельмо на глазу.

- Доброе утро!- поприветствовал меня Юродивый у входа в магазин.

- Не подам сегодня,- буркнул я,- деньги берегу.

- И не нужно,- согласился старик и хитро прищурился,- любовь - штука хорошая.

Я промолчал, отворачиваясь от его пронзительного взгляда.

Вечером мы с Иришкой договорились пойти на танцы.

* * *

Иришка, как всегда, танцевала до упаду. Я всеми силами старался от неё не отставать. Её белое платье развевалось во все стороны от порывистых, грациозных движений, обнажая длинные, загорелые ноги.

Когда заиграли рок-н-ролл, все почему-то расступились, образовав вокруг нас кольцо, а когда музыка стихла, и мы завершили наш танец, все дружно зааплодировали.

Усталые, запыхавшиеся, но довольные, мы решили уйти с танцплощадки, чтобы побыть вдвоём, несмотря на то, что за рок-н-роллом последовал медленный танец, который мы оба любили.

Мы отошли подальше от любопытных людских глаз в тёплую душистую темноту и слились в страстном поцелуе. Мы не заметили, как вокруг нас зашелестели кусты, и из них вынырнули трое...

Всё, что произошло потом, очень смутно запечатлелось в моей памяти. Вероятно, потому что меня здорово ударили по голове. Помню только наглую рожу приезжего <крутого> Борьки Зверева, удары, ругань и крик Иришки. Я не успел ничего сообразить, как уже лежал на земле, а Борька куда-то тащил Иришку, зажимая ладонью ей рот.

Страшным усилием поднявшись на ноги, я в каком-то бешеном порыве раскидал тех двоих, которые закрывали мне путь к ненавистной Борькиной физиономии. В остервенении я бросился и на Борьку, но тут же наткнулся на его тяжёлый кулак и вновь повалился на землю. Жизнь не научила меня драться. Моим единственным и бесспорным достоянием я всегда считал свой мозг. Но сейчас мне был необходим сильный кулак.

Вдруг опять шевельнулись кусты, и оттуда со свистом вылетел круглый голыш размером с голубиное яйцо, который чётко впечатался Борьке в затылок. Тот громко охнул и бесформенной грудой мышц рухнул на землю.

Схватив Иришку за руку, я бросился в кусты, на ходу пнув ногой одного из очнувшихся борькиных дружков, и наткнулся там на Юродивого.

- Добрый вечер,- приветствовал он нас своей блаженной улыбкой.

- Привет,- ответил я,- слушай, ты здесь никого не видел?..

- Никого здесь больше нет,- ответил старик.

- Тогда кто же?..- начал я и запнулся, потому что уж чересчур осмысленным сделалось выражение лица Юродивого.

- Камень я бросил,- серьёзно сказал он.

Я не успел ничего ответить, как серая фигура уже растворилась во мраке.

* * *

И вновь потекли светлые, радостные дни и романтические ночи. Днём мы пропадали на пляже, вечером шли на танцы. Борька и его друзья больше не появлялись, видимо, уехали. Юродивый, конечно же, своим голышом его не убил, да он и не хотел его убивать. А скорее всего, эта <груда мышц> отделалась лишь небольшой шишкой.

Но всё заканчивается в этом мире, и мне пора было возвращаться к своему <недогрызенному> граниту науки. К тому же, диссертацию я почти закончил, ибо недостаток времени компенсировался вдохновением, которое дарила мне любовь, и хотя писал я работу свою урывками, получился добротный научный труд.

Вечером, за день до отъезда, меня почему-то неудержимо потянуло к хижине Юродивого.

Алые блики заката ещё не угасли за горизонтом, но на небе уже зажглись крупные мерцающие звёзды, когда я, утопая босыми ногами в тёплом песке, подошёл к покосившемуся крыльцу старой хижины.

Юродивый сидел на нижней ступеньке крыльца, подперев голову обеими руками, и внимательно, как-то проникновенно смотрел на море, на звёзды, и казалось, видел во всём этом что-то своё, недоступное простому восприятию.

- Здравствуй, Николай,- произнёс старик, не поворачивая головы в мою сторону, но ни один мускул не шевельнулся на его застывшем лице.

- Здравствуй,- ответил я.

Юродивый подвинулся, и я примостился рядом с ним на ступени крыльца.

Мы молчали, но в этом безмолвии было более смысла, чем в самых изысканных речах.

Я посмотрел на старика и изумился: в густеющих сумерках я увидел, что у него тонкий, красивый, аристократический профиль, он был сильно похож на мыслителя древности, размышляющего о проблемах Мироздания на берегу моря, под необъятным куполом неба. Его длинные вьющиеся волосы и лохмотья ещё более усиливали это впечатление. Казалось, этот человек случайно заблудился в пространстве-времени. Нет не так - он находился как бы вне времени и пространства, как будто все события мира обтекают его, а он всегда здесь сидел, и будет сидеть вечно, размышляя о Мироздании, сознавая, что - неизмеримо выше всех событий окружающей действительности.

- Я хотел поблагодарить тебя...- сказал я.

- Тс-с,- старик приложил к губам палец,- слушай Вечность.

Уже совсем стемнело, и я замёрз от прохладного морского ветра.

- Прощай, Блаженный,- сказал я, поднимаясь на ноги,- и спасибо... Может, ещё свидимся...

- Ступай с Богом,- ответил Юродивый, не поворачивая головы.

На следующий день я улетел в Москву, назад к своим научным трудам. Днём позже уехала и Иришка к себе домой, в Архангельск. Перед отъездом мы обменялись адресами и договорились, что на следующий год, летом, мы снова здесь встретимся и решим нашу судьбу. К тому времени я надеялся стать кандидатом наук.

Когда я садился в самолёт, на моих губах всё ещё горел страстный Иришкин поцелуй.

* * *

Прошло несколько месяцев. Я с головой ушёл в научную работу, с блеском защитил кандидатскую диссертацию и, не медля, приступил к докторской. Все прочили мне большое будущее, профессора говорили, что со временем я стану непревзойдённым специалистом в области квантовой физики. Я и сам был уверен в этом.

Иришка писала не очень часто, но регулярно. Я ей отвечал. Моя любовь к ней не угасла, нет, она просто слегка притупилась, но из глубины души постоянно подпитывала меня.

Однажды, просматривая научные статьи по квантовой физике, я случайно наткнулся на старый журнал пятнадцатилетней давности, и там мне попалась оригинальная статья по теории кварков. Автор этого научного очерка, применяя данную теорию, выдвигал целую гипотезу построения Мира.

По его словам, - Мир имеет строго иерархическую структуру, причём он бесконечен во всех своих проявлениях. Всё в этом мире подчинено законам действия электромагнитных и гравитационных сил. Это, конечно, не новость, но профессор так же допустил существование и множества других, <тонких> полей, наличие которых ещё не доказано современной наукой из-за грубости и несовершенства имеющихся ныне приборов. Мир вмещает бесконечное количество измерений, а также параллельно существующих вариантов пространственно-временных континуумов, и соответственно, событий, в них протекающих. Деление вещества далеко не заканчивается на кварках, ему нет предела. Вещество делимо до бесконечности как в сторону возрастания, так и в сторону убывания. Кварки-самые мелкие частицы, обнаруженные на сегодняшний момент. Делясь далее, вещество переходит в настолько утончённое состояние, которое как раз и относится к области <тонких>, или даже <тончайших> полей, которые не могут быть зарегистрированы современными приборами. Ведь было время, когда никто не предполагал о существовании кварков, считая, что деление вещества заканчивается элементарными частицами. И до протонов, нейтронов и электронов наука проделала длинный путь, начиная с Аристотеля, который впервые задумался над атомарным строением Мира. Но то, что за кварками, пока находится за гранью непостижимого, как и ужасающая бесконечность нашей Вселенной. <Я говорю <нашей>, потому что вселенных тоже, может быть, колоссальное множество, и все они являются частицами некого гипотетического сверхвещества, если верить Эйнштейну, который предположил, что Вселенная имеет форму шара.> То есть, грубо говоря, наша Вселенная со всеми звёздами, галактиками и системами галактик является одним из кварков какого-то вещества. Или же наоборот, в каждом веществе или физическом теле-бессчётное множество Вселенных. Теория относительности допускает подобные парадоксы.

Я внимательно изучил статью, и вдруг мне показалось странно знакомым лицо учёного на фотографии. Я вгляделся в неё, мучительно припоминая, где я мог его видеть. Вряд ли мы встречались с ним лично. Наверное, я уже видел его фотографии в научных изданиях. Скорее всего...

Я уже закрыл журнал и убрал его в ящик стола, как вдруг меня осенило. Тонкие, благородные, правильные черты лица, густые тёмные волосы с проседью, проницательный, мудрый взгляд... Не может быть!

Дрожащими от нетерпения руками я вновь достал журнал и открыл его на нужной странице. Несмотря на холёное лицо, гладко выбритый подбородок, уложенные волосы, белый воротник и галстук, я узнал его. Такое лицо очень трудно забыть. У меня не осталось сомнений. ЭТО БЫЛ ЮРОДИВЫЙ!!!

* * *

Тяжкое, мучительное разочарование постигло меня, когда летом я вновь приехал к своей тётке.

Иришка прибыла туда на неделю раньше меня. Мы с ней встретились, и вначале, вроде бы, всё было как раньше, но прежний жар любви почему-то угас. Иришка становилась со мной холодной и сдержанной. Будто и не было никогда того страстного лета.

Почти все вечера после своего приезда я проводил у хижины Юродивого, <слушая> вместе с ним Вечность. В конце концов Иришка заявила, что я больше влюблён в Юродивого, чем в неё. Но это был всего лишь предлог. Я видел, что моё общество её тяготило и раздражало, как она скучает со мной. В тот вечер мы здорово с ней поругались. Она назвала меня <пришибленным головастиком>, витающим в облаках. Уже потом, позднее, я понял, что Иришка была тогда слишком глупа и поверхностна, чтобы хоть сколько-нибудь уважать мой труд учёного, она жаждала чего-то приземлённого, вещественного, даже грубого.

После этой ужасной ссоры я вновь ушёл на берег моря к Юродивому в надежде забыться и обрести душевный покой.

Мы сидели на ступени покосившегося деревянного крыльца; шум морского прибоя вызывал во мне какую-то болезненно-странную, древнюю ностальгию, а сомкнувшаяся над головой бездна с миллиардами мигающих солнц будто впитывала меня в себя, пытаясь поглотить и успокоить. Я чувствовал себя маленькой частичкой чего-то целого, закономерного и гармоничного.

Громкие голоса и смех вывели меня из транса. Я увидел перед собой ужасную действительность: Иришку под руку с Борькой Зверевым. Оба были пьяны и насмехались над нами.

- Ну, что, Головастик,- ухмыльнулся Борька,- похоже, одним юродивым у нас стало больше. Неплохо, совсем неплохо. А может быть, ты голубой, а?

- Верно,- вторила ему Иришка,- ты делаешь успехи, Николай Блаженный.

Я весь напрягся в страстном желании вцепиться в Борькино горло, чтобы с его лица навсегда исчезла эта глупая, пошлая ухмылка, но тут я почувствовал на своей дрожавшей от гнева руке добрую, тёплую дружескую руку.

- Ступайте с Богом,- мягко произнёс старик.

- А с тобой, Юродивый, старый придурок, я ещё разберусь,- Борька смачно сплюнул, потирая затылок.

Видимо, он ещё не простил ему тот голыш. Но как он узнал, что именно Юродивый запустил в него камень? Ответ пришёл сам собой. Ирина. Она предала меня и предала старика,

который помог ей в тот вечер, предала цинично и жестоко.

- Ступайте с Богом,- повторил Юродивый, глядя им вслед.

Я увидел в его глазах невыразимую печаль, обеспокоенность и нежность.

Наваждение посетило меня. Мне показалось, что Иришка как две капли воды похожа на Юродивого. Очень похожа. Но нет, это уже слишком...

* * *

Дни тянулись медленно и уныло. Мне не работалось. Даже из дома выходить не хотелось. Иногда на улице я сталкивался с Борькой, с Иришкой или с ними обоими вместе. Борька всегда ухмылялся, а Иришка отводила взгляд. Вечером, идя с танцев, они бязательно специально проходили мимо моего окна, громко смеясь и горланя песни.

Так плохо мне давно уже не было. Даже к Юродивому я ходить перестал. Но через неделю меня вновь потянуло к старой хижине. У меня накопилось много вопросов, которые я до сих пор не решался задать старику.

Я пришёл к нему, как всегда, на закате. Он сидел на крыльце всё в той же неизменной позе, как будто находился здесь вечно, и поток времени огибал его, точно остров.

Я присел рядом, с удовольствием погружаясь в его ауру покоя. Около получаса мы сидели молча, затем я решился заговорить.

- Я знаю, кем ты был,- сказал я

Старик резко повернулся ко мне, и в его глубоких глазах я уловил невыносимое страдание, которое тут же сменилось выражением полного покоя и равновесия.

- Артемий Павлович...- пробормотал я, поражённый величием и мудростью его спокойного светлого лица.

- Не надо,- ответил он,- не зови меня так. Я просто Юродивый.

- Но почему?..- не унимался я.

- Жена умерла. Дети выросли и разъехались. Захотелось покоя. Простой, свободной, непритязательной жизни. По сути, теперь я - антисоциальный элемент, но именно сейчас я свободен по-настоящему. Я ни от кого не завишу, и никто не зависит от меня. Моя жизнь - природа, я растворён в ней. Именно здесь меня посещают самые светлые, самые гениальные мысли. Здесь я могу постигать суть вещей всем своим существом, являясь их неотъемлемой частью. Я могу рассуждать не как сторонний наблюдатель, а как участник Мироздания, находясь внутри него, а не снаружи. Кстати, ты знаешь, что море-это сильный катализатор работы мысли? Шум прибоя и колебания морской поверхности создают вибрации, которые, воздействуя на мозг человека, активизируют мыслительный процесс. То же самое можно сказать и о шуме дождя, и о шелесте листьев, про пение леса под дуновением ветра. В этих простых звуках записана Истина. Природа постоянно говорит нам о ней. Нужно уметь слушать. А скепсис-это лишь проявление невежества, идущее от нежелания знать больше, чем вмещает сознание. Если в этом мире допустить абсолютно всё, не влезая в рамки узких теорий, мысль расширится до беспредельности.

- А как же твои дети?- спросил я.- Ты так просто исчез, не сообщив им, куда?

- Я для них умер,- глухо пробормотал старик, и при свете огромных низких звёзд я увидел, как на его щеке блеснула слеза. На мгновение мне показалось, что я понимаю его.

- Послезавтра я уеду,- сказал я,- наверное, больше к тебе не приду. По-моему, я и так уже надоел тебе своим обществом.

- Нисколько,- ответил Блаженный,- ты умеешь слушать Вечность.

- Артемий Павлович. А вы не думали о том, чтобы вернуться к прежней жизни? Пожалуйста, поедемте со мной в Москву.

- Нет, сынок,- покачал головой старик,- я не поеду с тобой. Моё место здесь. У тебя свой путь, мой мальчик, и пройти ты его можешь достойно. Я спокоен за тебя. Вскоре настанут иные времена, и ты выпрямишься во весь рост. Я знаю, ты продолжишь мои начинания. Я спокоен. Ступай с Богом, да не оставит Сила тебя!

- До свидания, Артемий Павлович, профессор...

- Прощай.- отозвался старик.

Я уходил от хижины с тяжёлым чувством. Я привязался к старику. Мысль о том, что мне будет не хватать его, моря и этих крупных и ярких звёзд на удивительно прозрачном небе, больно ранила мне сердце.

* * *

Я упаковал вещи, выпил с тёткой чаю и уже собрался ехать, как вдруг словно чья-то жестокая рука сильно сдавила мне сердце. Я поднял чемодан и тут же схватился за грудь и сел на пол, хватая ртом воздух.

- Коленька, что с тобою?- перепугалась моя старая тётка. -Чёрт бы побрал эту маленькую потаскушку! Совсем тебя довела. Да ещё и Юродивый этот на тебя плохо действует. Зачем ты вообще с ним связался? Он кому хошь мозги набекрень свернёт. Вотсегодня, подошёл к твоей неверной, мол, поговорить ему с ней надо. Она сперва-то накричала на него, но он ей что-то тихим, ласковым голосом говорить начал, так она с тех пор вовсе смурная ходит, всё к Борьке жмётся. Сегодня утром это было. Я-то случайно рядом оказалась, да и не слушала их, зачем мне чужие секреты. Но Юродивый будто отец, ей что-то втолковывал, и раза два твоё имя промелькнуло. Вот такие дела, Коленька.

- Что?.. Что ты сказала, тётя Поля?- не своим, хриплым голосом спросил я.- Блаженный сегодня с Ириной разговаривал? Ну, конечно... Он же всё видит, всё знает. Он просто хотел мне помочь. Я же до сих пор её люблю. Сильно люблю, тётя Поля, что бы она мне ни сделала. Она ещё молодая и глупая. Но Юродивый зря старался. Похоже, ничего не вышло...

Внутри меня неотвратимо росла тревога. Тётя Поля дала мне отвар валерьянового корня, я залпом осушил кружку и вскочил на ноги.

- Тётя Поля! У меня самолёт в половине второго ночи. Я знаю, нужно ещё ехать в аэропорт, но я успею! Я сейчас!..- почти крикнул я и выскочил за дверь, тётка лишь покачала головою мне вслед.

Сам не свой мчался я к берегу моря. Вот хижина, вот крыльцо. А где же?..

Он лежал ничком, уткнувшись лицом в песок. В страшном предчувствии я подскочил к нему и потряс за плечо, шепча в отчаянии:

- Артемий Павлович!.. Профессор!..

В свете карманного фонаря, который случайно захватил с собой, я увидел, что волосы на его затылке слиплись от крови. Я взял его руку и припал к ней губами.

-Артемий Павлович... Учитель...

И всё вдруг само собой сошлось в моей голове в ясную и чёткую картину. Конечно же, это была жестокая месть Борьки Зверева. Иришка рассказала ему об утреннем разговоре с Юродивым, Борька не мог простить голыша, брошенного в его затылок год назад, он отомстил старику и смылся. Уехал навсегда.

Я плакал долго, горько и безутешно. Этот великий светлый мозг был враз уничтожен рукою жалкого, злобного, недалёкого типа. Такие люди, как Юродивый, рождаются раз в тысячелетие. Они незаметны, их не признают, их не понимают. Но никто не может отнять у них несомненное и гордое право - право мыслить широко и свободно, отбросив все веками накопленные миром догмы.

Я услышал за спиной чьё-то прерывистое дыхание и обернулся. Передо мною стояла Иришка.

- Я всюду ищу Борьку,- перепугано сообщила она,- он куда-то исчез. Ты его не видел? А что?.. Что случилось?

Я посветил фонарём на окровавленный затылок Юродивого.

- Полюбуйся. Вот что сделал твой Борька!

Она не стала ничего отрицать и выгораживать его, она даже не удивилась, только сказала:

- Борька говорил мне, что когда-нибудь сведёт с ним счёты, что Блаженный ему надоел. Но я думала, что он просто шутит. Да и мне, признаться, он тоже надоел. Никто о нём плакать не будет. Какая вообще от него была польза обществу?

Что-то сдвинулось в моём сознании. В считанные секунды я понял причину сходства Ирины с Юродивым.

- Какая польза, говоришь?- желчно переспросил я.- Да он никому никогда не делал зла. А тебя он любил и берёг. Знаешь, почему?

Я перевернул труп лицом к верху и осветил его фонарём.

- Посмотри получше. Неужели ты так слепа? Твой нос, твои губы, разрез глаз, подбородок, и волосы вьются, как у тебя. Это твой отец, Ирина! Артемий Павлович Штерн!

Она схватилась за голову, из груди её вырвался мучительный, долгий крик.

- Нет, нет, нет! Этого не может быть, это неправда!!! Ты чудовище!.. Нет!..

Выкрикивая эти слова, она скрылась во мраке.

С тех пор много лет я её не видел, не знал, где она, что с ней, мучает ли её совесть.

Блаженного похоронили рядом с кладбищем, и на простой деревянной доске написали только одно слово: Юродивый.

Никто не стал искать его убийцу, никто не пожелал знать, кто он. Местная милиция дела возбуждать не стала, и вскоре все позабыли о старике, как будто его и не было никогда.

После похорон профессора я зашёл в его скромную обитель и там обнаружил горы исписанной бумаги, научные труды, гипотезы, теории и расчёты, полные гениальных идей и открытий. Их я по сей день храню у себя до лучших времён. Эти работы настолько опережают наше время, что лучше с их публикацией подождать. Хотя я уверен, настанет срок...

* * *

И только по прошествии нескольких лет я узнал, что профессора, академика Артемия Павловича Штерна за чересчур <вольнодумные труды> и <идеалистический ненаучный подход> к физике сначала исключили из Академии наук, затем, когда он попробовал отстоять свои идеи, к нему применили более суровые меры. Более десяти лет провёл он в сумасшедших домах и психиатрических лечебницах тюремного типа, где его держали и <лечили> принудительно. Ему, наконец, удалось сбежать, и

больше о нём никто ничего не знал и не слышал, никто его не видел. Он просто исчез. Но я-то знаю его дальнейшую судьбу. Я знаю всё, и со временем обязательно верну ему доброе имя, признание и славу. Это мой долг перед моим Учителем.

* * *

Спустя десять лет я вновь приехал в ту деревню на берегу моря, чтобы поставить на могиле профессора большой надгробный памятник.

К моему удивлению, могилка оказалась ухоженной, и вокруг неё бурно цвели маргаритки.

Памятник получился на славу. Я старательно украсил могилу и поставил ограду. На мраморной поверхности под фотографией из того самого научного журнала было крупными буквами выгравировано: Академик Артемий Павлович Штерн (1930-1987). Каждый день, пока я гостил там, я посещал эту могилу.

Тётка Поля, которая сильно постарела за эти годы и уже с трудом передвигала ноги, глядя на меня, всё качала головой:

- Эх, Коленька! Вроде, великим учёным стал, доктором наук, а как посмотришь, - всё тот же Юродивый. Ну, что ты к нему на могилку-то всё бегаешь? Памятник зачем-то мраморный отгрохал. Неужели, как ты говоришь, он великим учёным был?

- Да, тётя, был. Можешь не сомневаться.

Однажды, возложив на могилу свежие цветы, я распрямился и увидел перед собой стройную, красивую женщину в чёрном.

Она серьёзно смотрела на меня, улыбаясь краешками губ. Рядом с ней стоял рыжий, вихрастый мальчуган лет девяти, очень похожий на мать.

- Здравствуй, Николай,- низким, мягким голосом произнесла женщина и нагнулась, чтобы положить букетик цветов, - спасибо за памятник.

Я вгляделся внимательней.

- Не может быть!.. Ирина!

- Да, это я,- ответила женщина и наклонилась к уху мальчугана,- это дядя Коля, Артём. Помнишь, про которого я тебе много-много рассказывала? Это он поставил памятник на могилу своего дедушки.

Мальчик поднял на меня свои внимательные, серьёзные, не по-детски мудрые глаза. У меня бешено подпрыгнуло сердце. В тонком античном профиле и правильных чертах лица угадывалось что-то моё, что невозможно было не заметить: мои гены, моя кров .

- Почему?.. Почему ты не сообщила мне?.. Почему ты тогда исчезла?- задыхаясь от волнения, пробормотал я.

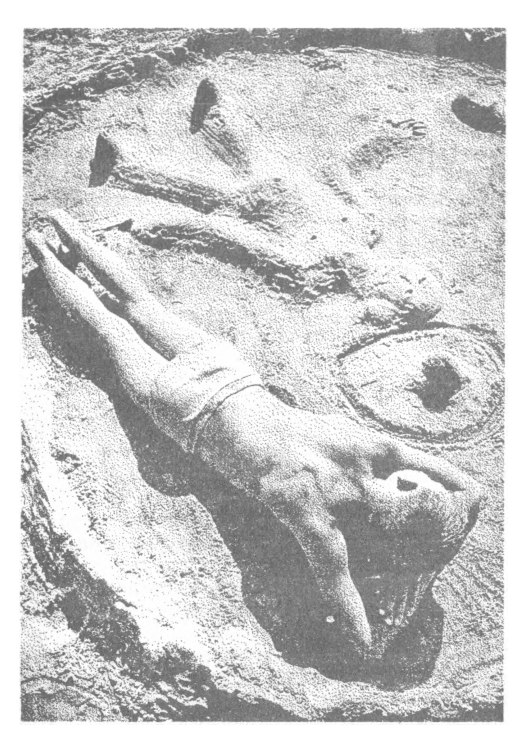
- Я думала, ты меня никогда не простишь и никогда не захочешь больше видеть. Но я расплатилась за всё сполна. Так что, теперь моя совесть спокойна.

Я с грустью смотрел на эту молодую одинокую мать без обручального кольца на руке. От той юной, задорной, порхающей девочки в ней ничего не осталось. Зато появилось что-то новое, что нравилось мне гораздо больше.

Я сгрёб их обоих в объятия, задыхаясь от счастья, и понял, что пришёл конец одиночеству, теперь я их никуда от себя не отпущу.

- Дядя Коля... Папа,- сказал мальчик, беря меня за руку,- -пойдём на берег моря, а? Послушаем Вечность?..

Январь-март 1996 г.

Жители планеты Суа

Незнакомцы настолько чужды нам, что почти всё, касающееся их, не имеет ничего общего с тем, что мы способны постичь.
Колин Кэпп <Посол на Проклятую>.

Огромный рейсовый космолайнер приближался к системе Регул, Альфа Льва. Вокруг этой крупной звезды вращается восемь планет. Одна из них, планета Суа, является пригодной для жизни, имеет атмосферу, почти идентичную земной. Первые исследователи, попавшие на эту планету, были сильно разочарованы. Сначала они думали, что Суа-это бушевание биосил, уж слишком красивой она выглядела из космоса.

На самом же деле оказалось, что планета представляет собой бескрайнюю гладкую равнину, кое-где разделённую пресными озерцами и реками, сплошь усыпанную серыми голышами. Больше на планете нет ничего. Почва-обыкновенный бесплодный грунт. Воздух довольно влажный, с большим содержанием кислорода. Исследователям она показалась скучной, и они покинули её, даже не стали колонизировать, оставив исследовательскую базу, в которой давно уже никто не жил.

Пассажирский космолайнер сделал большой крюк, отклонившись немного от курса, чтобы доставить на Суа... тибетского Далай Ламу.

Далай Лама, древний старик, похожий на привидение из преданий далёкого прошлого, приготовившись к высадке, стоял у иллюминатора, созерцая огромный сияющий шар Регула.

- И что этому древнему ископаемому понадобилось на Суа?- недоумевал командир космолайнера, мой друг и начальник, Тор Гейн.- Из-за него мы сделали крюк, а это значит, перерасход горючего и времени...

- Меня и самого мучает любопытство,- ответил я,- я думал, что Далай Ламы давно канули в прошлое. Но, нет, спустился с Тибетских гор и решил забраться подальше - в самые недра Галактики. Видимо, достала его наша цивилизация, захотелось помедитировать в одиночестве, тишине и покое, среди голышей.

- Однако, он заплатил приличную сумму денег,- сказал мой командир,- наверное, всё, что у него было.

- Пойду поговорю с ним до посадки,- я решительно встал с кресла,- мне нужно удовлетворить моё любопытство. Не каждый же день видишь перед собой живого динозавра.

Подойдя к старику, неподвижно в задумчивости стоявшему у иллюминатора, я внезапно проникнулся странным к нему уважением, даже более того-почтением.

- Отец,- сказал я, положив руку ему на плечо,- Вы готовы к высадке?

- Да, я давно уже готов,- ответил он.

- Я - Герд Вайнес, первый помощник командира,- представился я,- извините, Отец, я, конечно, лезу не в своё дело... Мы с Вами больше никогда не увидимся, и, может, Вы скажете мне, что побудило Вас в столь преклонном возрасте, одному отправиться на Суа, на эту бесплодную, унылую и бестолковую планету? Ведь, насколько я понял, Вы собираетесь дожить там свой век?

- Вы правы, молодой человек,- ответил Лама, улыбаясь, и глаза его засияли,- Суа станет моим последним пристанищем. На Земле я оставил своего преемника, впереди не так уж много времени... А они позвали меня...

Тщетно я ждал продолжения.

- Кто, они?- нетерпеливо переспросил я по прошествии трёх минут молчания.

Но старец упорно не отвечал, вперившись взглядом в иллюминатор.

Космолайнер подлетал к тому полушарию Суа, где наступала ночь, в момент, когда звезда заходила за горизонт, и планету опоясывал яркий ореол. Пассажиры в салоне, толпясь у иллюминаторов, созерцали чудесное зрелище. Но оно длилось недолго. Св тило переместилось, скрывшись за шаром планеты, и разноцветный ореол погас.

Космолайнер пошёл на посадку.

* * *

Три яркие луны сияли на небе Суа, озаряя равнину сиреневым светом.

Выгрузив для старика запасы воды и пищи на десять лет и разместив их на заброшенной исследовательской базе, рабочие отдыхали, с удовольствием наполняя лёгкие чистым, насыщенным кислородом воздухом.

Кое-кто из пассажиров тоже вышел из корабля, чтобы размять ноги на твёрдой земле.

Я прогуливался вокруг станции, с недоумением взирая на Далай Ламу, который в задумчивости сидел прямо на земле с

выражением невиданного блаженства на морщинистом лице.

Я пнул ногой один из голышей, и он послушно откатился в сторону, при этом мне показалось, что на мгновение при ударе он изменил цвет.

<От этого пьянящего воздуха у меня галлюцинации,- подумал я,- пора сматываться отсюда.>

- Отец,- обратился я к Далай Ламе,- Вам больше ничего не нужно?

- Нет, ничего, Герд Вайнес. Можете продолжать свой путь.

- Эй, Герд!- окрикнул меня командир Тор Гейн.- Нам пора улетать. Всем быстро вернуться на корабль!

Пассажиры и рабочие поспешили к трапу.

Я напоследок ещё раз взглянул на старика, одиноко сидящего среди голышей.

- И всё-таки я не понимаю Вас, Отец,- сказал я и побежал к кораблю.

* * *

Прошло более десяти лет, прежде чем я вновь вспомнил о Далай Ламе.

Произошло это чисто случайно. Волей судьбы меня снова забросило в ту часть Галактики.

Я совершал одиночный челночный рейс, отвёз на одну из колоний Земли груз и налегке возвращался обратно, пролетая через систему Регул. И тут я внезапно вспомнил о Далай Ламе, причём вспомнил едва ли не с испугом: ведь прошло уже более десяти лет, у него, наверное, кончились запасы...

<А, впрочем, что я так волнуюсь за это ископаемое?--попытался я себя успокоить.-Он был глубоко стар. Наверное, он и года не прожил после того, как мы оставили его на Суа, помер от скуки.>

Но что-то, видимо, совесть, не позволило мне продолжить рейс и пролететь мимо Суа. Я встал на её орбиту и пошёл на посадку.

Мне необходимо было удостовериться, что старик мёртв (или жив). А если он жив, я должен оставить ему ещё немного запасов воды и пищи, хотя на моём шаттле их хватило бы от силы на два года.

Далай Лама оказался жив. Он вышел мне навстречу из станции. Моему удивлению не было предела, я ведь думал, что увижу лишь его останки среди голышей.

- Приветствую вас, Герд Вайнес,- с улыбкой произнёс Лама, когда я подошёл к станции,- какие силы занесли вас сюда?

- Как Вы тут, Отец?- поинтересовался я.- Я пролетал мимо и вспомнил о Вас. Наверное, у Вас кончилась еда. Я привёз Вам ещё немного.

- Спасибо, дорогой астролётчик!- сказал старец.- Но я веду крайне аскетический образ жизни. На станции ещё достаточно запасов. Но гораздо важнее для меня другая пища...

Он поднял с земли один из голышей и бережно погладил его рукой.

- Вы появились здесь не случайно, Герд Вайнес. Они позвали и Вас...

- Кто, Они?- спросил я, точно как десять лет назад у иллюминатора космолайнера, в полной уверенности, что старик окончательно свихнулся от одиночества. Хотя выглядел он очень неплохо, тем более для своих древних лет.

Далай Лама посмотрел на меня и улыбнулся.

- Я знаю, о чём вы думаете,- сказал он,- но вы недооцениваете себя и недооцениваете силу Мысли. Они решили, что вы

достойны вступить с ними в контакт. Надеюсь, что это так.

Я открыл было рот, чтобы спросить ещё что-то, но Далай Лама решительно взял меня за руку и развернул лицом к бескрайней серой равнине.

- Смотри, Герд Вайнес!- повелительным голосом произнёс он.- Когда и где ты ещё увидишь такое? Смотри!

Я смотрел, куда указывал палец Ламы, и ничего не видел. Подул ветер, и неизвестно откуда появился густой голубой туман, который плотно устлал всю равнину.

И тут прямо передо мной вздыбились колоссальные строения неземной цивилизации. Это было похоже на сумасшествие. Будто я стоял посреди какого-то неземного города, а мимо меня проходили, совершенно не замечая, люди с зеленоватой кожей.

Я метнулся к первому попавшемуся гуманоиду, хотел коснуться его плеча, но мои пальцы нащупали невидимую упругую преграду. Человек тут же исчез, в моём сознании осталось лишь воспоминание о его больших и невыразимо глубоких глазах.

Ещё миг, и здания дрогнули и растворились в пространстве, словно мираж.

Но возникло следующее видение. У меня появилось ощущение, что я нахожусь на дне моря, под толщей воды, окружённый синеватым переливающимся сумраком глубин. Мимо проплывали косяки невиданных рыб, и всюду колыхались стебли и листья причудливых водорослей.

А передо мной возвышались сферические полупрозрачные купола. От них исходил мягкий свет; матовая поверхность их переливалась всеми цветами и оттенками цветов, какие только есть во Вселенной. Подводные здания были прекрасны, и в них угадывалось движение.

<Что это? Что это? Что это?..>- в моём мозгу вертелся один и тот же вопрос в такт пульсации крови, бешено стучащей в висках.

- Это подводный город,- послышался невозмутимый голос Далай Ламы.

Купола потускнели, стали расплываться и таять. Затем они задрожали и исчезли.

И опять передо мной простиралась бескрайняя равнина, усыпанная непонятными голышами, окутанная голубым туманом. И я ждал чего-то... чего-то ещё более ошеломляющего.

И вот, предстало другое видение. Кажется, это был космодром. Гигантские сооружения небывалых форм и размеров блистали, отражая яркие косые лучи заходящего светила. Я понял, что это--звездолёты. Шарообразные, конические, пирамидальные, цилиндрические и даже спиральные, глянцевитые и матовые, они все жадно упирались в небо, и носы их терялись в вышине, такие они были громадные. Некоторые корабли поднимались с огромных каменных плит, взмывали в небо, полыхая фиолетовым пламенем, и исчезали в глубине пространства...

Всё это враз рухнуло, распалось, испарилось.

Но вместо этого появилось нечто зловещее. Кругом расстилалась чернь, темнота беспросветная. Скорее не зрением, а чутьём я понял, что передо мной возвышаются чёрные, молчаливые, уродливые громады. Всё было угрюмо и ужасающе. Из глубины плотной тьмы ко мне приближались два огромных, фосфорически мерцающих глаза. Еле вырисовывались контуры бесформенного, аморфного существа.

Зрелище было ужасным! Пара огромных, с блюдце, светящихся глаз смотрели на меня в упор пронизывающе-злове-

щим взглядом, парализующим, вселяющим безотчётный ужас и отвращение. Десятки чёрных, мерзких щупалец потянулись ко мне.

Я громко вскрикнул, отпрянув.

Тьма разредилась, и я увидел тусклое, небольшое светило на мутно-жёлтом небе, освещающее унылый, мрачный мирок.

Скалистый ландшафт буро-жёлтого цвета, скудная растительность в виде лишайников и невысоких кустарников, цепляющихся за камни, лужицы мутной воды, в которых копошилось что-то скользкое, издающее булькающие звуки,--всё это нагоняло липкую, безысходную тоску.

Неизвестно откуда, издав пронзительный вой, на меня налетела омерзительная крылатая тварь, похожая на гигантскую летучую мышь. Я едва успел пригнуться, заглянув в её круглые, алчные, лишённые смысла глаза, увидев, как мелькнули острые, длинные зубы.

- Хватит!!!- вырвалось у меня из самой глубины души.

Всё исчезло, и мне отрадно было вновь узреть мирную, светлую равнину, которую по-прежнему усыпали голыши.

От пережитого потрясения у меня дрожали руки, и ноги были, как ватные. Пытаясь прийти в себя, я повернулся к Далай Ламе. Всё это время он стоял рядом со мной, чутко наблюдая за моими реакциями. Теперь он улыбался мне, и это наполняло мою ду у необъяснимым покоем.

- Что это было, Отец?- спросил я.

- Ты видел иные миры.

- Это галлюцинации?

- Нет, Герд. Это всего-навсего материализация мысли. Они вступили с тобой в контакт.

- Кто, Они?- в который раз я задал этот вопрос, но теперь Далай Лама не замедлил с ответом.

- Те, что валяются у тебя под ногами, Герд.

- Голыши? Они... разумны? Они умеют вызывать видения, которые слишком похожи на реальность? Так это вовсе не голыши, это... это живые существа?

- Вот именно, Герд!- обрадовался старец.- Более десяти лет я общаюсь с ними, и за это время передо мной пронеслась целая вереница миров. Их знания не имеют предела. Ни одному исследователю и не снилось такое. За десять лет ни одно видение не повторилось, каждый раз они <показывают> всё новые и новые планеты. Это означает лишь то, что безгранично многообразие миров во Вселенной и проявлений форм жизни на них.

- Но как они делают это, Отец? Они ведь не могли видеть все эти миры. Они даже не способны передвигаться.

- А Им это и не нужно. Зато у Них есть более совершенное средство передвижения, до которого нам ещё расти и расти. Благодаря ему Им нипочём ни пространство, ни время. Они способны проникать всюду и получать воистину бесконечное количество и формации. Бездна миров заложена в Их памяти, и она постоянно пополняется.

- Кажется, я понял, про что Вы, Отец,- сказал я,- Они путешествуют в пространстве и времени посредством Мысли.

- Правильно, Герд. Мысль - это невидимая, бесплотная субстанция, сгусток энергии, если хочешь, волны. Их Мысли проникают в самые отдалённые уголки Вселенной, беспрепятственно проходят гиперпространство, кружатся в водовороте времён, и, обогащенные информацией, возвращаются к своим хозяевам. Им доступна вся Вселенная!

- Но как Вы узнали о Них, Отец?

Я медитировал у себя в храме высоко в горах. Одна из этих блуждающих мыслей скрестилась с моими мыслями. Её хозяин удивился моей мудрости и позвал меня на свою планету. <Ты достоин узреть Вселенную!>- услышал я. И, не мешкая, отправился на Суа. Но я стар. А тебе, Герд Вайнес, выпало удивительное счастье. Ты избранный, и тебе ещё многое предстоит увидеть.

Перед нами оформлялось очередное видение.

- Узнаёшь?- спросил Лама.

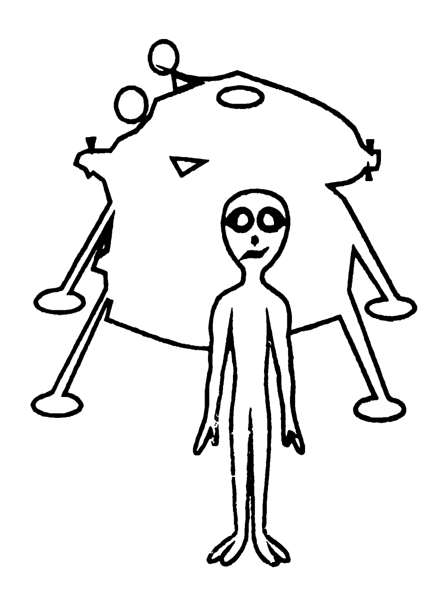
Да, это была Земля, родная планета. Дома-огромные параллелепипеды и шары со сверкающими стёклами окон, широкие прямые полосы проспектов, над которыми парили гелиобусы и авиамобили. Вдали зеленел лес и синела змейка реки.

Затем я увидел одинокий буддийский храм среди заснеженных гор и Далай Ламу, сидящего в позе лотоса у входа в святилище.

- Пойдём перекусим, Герд.- Обыденно прозвучал голос старца.- Наше время ограничено, а нам нужно так много понять и увидеть! Мы первые, с кем Они вступили в контакт. Перед нами - Бездна!

У входа в станцию я обернулся, благодарным взглядом окидывая бескрайнюю равнину, покрытую загадочными разумными <голышами>.

Май 1988 г.-апрель 1996 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Записки старого Астролетчика 3
Дельфиния 14
Юродивый 22
Жители планеты Суа 32

Издано по решению
и с помощью Главы
Димитровграда
В.А.Паршина

АНЯ ФИЛИМОНОВА - самый молодой автор в городской писательской организации. Но из молодых прозаиков, наверное, самая талантливая.

Она выпускница Димитровградского института технологии, управления и дизайна по специальности инженер-механик. Готовится поступать в аспирантуру по профилю "машины и аппараты". Видимо, эта специфика в совокупности с литературным талантом и позволили ей создать уже целую книгу любопытных рассказов и повестей в сложном жанре научной фантастики. "Мысль" - первый опыт Филимоновой на литературной "ниве" и первый выход к серьезному читателю.

